

ПИОНЕР

СЕНТЯБРЬ

Издательство „Правда“, 1950 г.

9

В школу!

ЗДРАВСТВУЙ, ШКОЛА

Хорошие дни настали для вас, ребята! Снова пришли вы в школу. Как приятно было опять вбежать в класс, увидеть знакомые лица учителей, встретиться с товарищами! Вот и парты, за которыми вы сидели прошлой зимой. Они стали как будто немного ниже? Нет, это только кажется. Просто вы сами за лето выросли.

В этом году в школах Советского Союза будут учиться тридцать восемь миллионов ребят. Подумайте, сколько нужно учителей для такой массы школьников! Сколько понадобится учебников, тетрадей, карандашей!

Обо всём этом позаботилась наша великая Родина. Для вас выстроены новые школы. Вдоволь запасено для вас книг, тетрадей, карт, готовлен. Только учитесь!

В этом номере «Пионера» вы прочтёте рассказы о науках, которые вы будете изучать. Много интересного и нужного узнаете вы в школе.

Желаю вам хороших успехов, друзья!

Дорогие друзья, пионеры и школьники!

Ваш труд будет радостен и успешен, если вы приметесь за него во всеоружии знаний, которые даёт наука. Первые шаги в овладении этими большими знаниями каждый из вас делает в школе.

Ни агрономию, ни биологию, ни зоотехнику, ни одну из многочисленных отраслей великой науки о живой природе нельзя изучать, не зная ботаники, химии, физики, зоологии. Школа даёт вам те на-

чалые знания и навыки, которые позволят вам овладеть наукой.

Вы, ребята,— наша будущая смена. Мы, учёные, ждём от вас, что вы двинете ещё дальше вперёд нашу науку. Этим вы поможете ещё более быстрыми темпами повышать урожайность полей нашей прекрасной Родины.

Желаю вам всем удачного учебного года!

Президент Всесоюзной ордена Ленина академии сельскохозяйственных наук имени В. И. Ленина

академик Т. Д. Лысенко

НАУКА О ЗЕМЛЕ

Дорогие ребята! У вас начинается новый учебный год. Снова приветливо распахнулись перед вами двери светлого класса, снова вы сели на свои места за только что выкрашенные парты, снова полным ходом идут занятия... Кажется, ничего не изменилось с прошлого года, только изменились вы сами: вы стали старше на целый класс! Вы шагаете со ступеньки на ступеньку, переходите из класса в класс, и с каждым годом всё шире раскрывается перед вами мир знаний.

Многие из вас в этом году впервые научат изучать географию. И мне хочется рассказать вам об этой замечательной науке.

География — одна из самых древних наук.

Ещё в глубокой древности, когда завоеватели отправлялись в далёкие военные походы, они брали с собой географов; географы тщательно описывали весь пройденный путь, встреченные города и посёлки, обычаи и нравы иноземных племён, измеряли ширину и глубину рек, высоту гор. Их описания помогали впоследствии составить карты этих стран.

Как составляются карты и как ими пользоваться, вы узнаете на уроках географии и, отправляясь в будущем году в походы по родному краю, сумеете приготовить карты тех мест, по которым вам придётся путешествовать.

Сколько замечательных открытий сделали географы-путешественники! Они проходили через огромные пустыни, взбирались на высочайшие горы, пробрались через дремучие тропические леса, пересекали на утлых судёнышках необозримые просторы океанов...

Ни жестокие холода, ни нестерпимый зной, ни голод, ни лишения и болезни не могли остановить отважных путешественников Пржевальского, Козлова, Пенцова, Роборовского, многие годы изучавших Центральную Азию, Семёнова-Тян-Шанского и Федченко, долго работавших в Тянь-Шане, и многих других.

Взгляните на карту... Сколько островов, горных хребтов, вершин, озёр и ледников названо именами русских учёных-географов!

Огромна и прекрасна наша Родина. Необыкновенно разнообразна её природа. От голубых льдин Северного полюса до знойных песков Туркмении, от лесистых Карпат до огнедышащих вулканов на Курильских островах простираются наши земли.

Длинен перечень славных имён русских географов, открывателей земли русской..

Географические исследования после Великой Октябрьской социалистической революции приняли невиданный размах. В первые же годы после установления советской власти выяснилось, что наша страна изучена очень слабо. Много на ней оказалось «белых пятен», то есть таких

мест, куда не ступала ещё нога исследователя.

С каждым годом всё больше и больше географических экспедиций разбегается во все уголки Советского Союза. Широко известно в нашей стране имя академика А. С. Берга, многие годы посвятившего востороннему географическому изучению Советского Союза; крупная географическая экспедиция Московского университета под руководством профессора Н. Н. Колосовского ведёт исследования в Восточной Сибири; профессор И. С. Щукин руководит большой экспедицией студентов-географов в труднодоступных горах Западного Памира; более двадцати лет изучают географию Средней Азии учёные Б. А. Федорович, Э. М. Мурзаев, В. Н. Кунин и многие другие.

Вы будете изучать в школе географию по учебникам крупных советских географов, изучающих хозяйство и природу нашего Союза, — А. С. Баркова, Н. Н. Баранского, И. А. Витвера.

Теперь географы не только записывают то, что они видят, но изучают, исследуют и объясняют явления природы.

Географы участвуют в самых разнообразных экспедициях.

Одни из них изучают строение речных долин и образование на них террас, строение и форму склонов, выясняют причины образования оползней и обвалов; они могут рассказать, почему у рек такие разные долины: то глубокие и узкие, как щели, то широкие и просторные.

Высоко в горах географы изучают образование и движение ледников, причины возникновения снежных лавин и пути их движения, работу снега и льда в горах, наблюдают за разрушением горных пород, за выносом щебня и обломков длинными ледниками, выползающими в долины...

В пустыне географы изучают рельеф песков, наблюдают, как они передвигаются, от чего зависит скорость их передвижения, выясняют условия, при которых зарастают пески, и находят те растения, которые лучше всего смогут их закрепить...

На морских побережьях географы занимаются изучением движения волн, выясняют, почему в одном месте берег отлогий, с длинным песчаным пляжем, а в другом прямо в воду обрываются высокие скалы, почему образуются заливы, бухты, проливы...

Опускаются географы и на дно морское; в зеленовато-синих глубинах они изучают жизнь обитателей моря, описывают подвижный рельеф морского дна.

Географы спускаются под землю. Там они исследуют глубокие пещеры, провалы, подземные озёра: с факелами и длинными верёвками они проходят запутанные лабиринты подземных пещер, украшенных сталактитами и сталагмитами.

В просторных степях географы изучают

разрушающие колхозные поля овраги, для того, чтобы помешать их возникновению, не дать им разрастаться.

Они помогают осуществлению сталинского плана посадок леса в степи, помогают бороться с засухой и суховеями.

Занимаясь географией, вы узнаете, почему сменяют друг друга природные зоны; почему дремучая сосновая и пихтовая тайга переходит на севере в редколесье и тундру, а на юге — в сухие степи; почему зимой на дальнем севере, в Мурманске, не замерзает море; почему в Батуми, на берегу Чёрного моря, выпадает в год больше двух метров осадков, а в Туркмении, на берегу Каспийского, — только 200 миллиметров; почему в Сибири, в посёлке Оймекон, находится полюс холода; почему в знойные летние дни на среднеазиатских реках Аму-Дарье и Сыр-Дарье в десять раз больше воды, чем в дождливые зимы; почему при одинаковом количестве осадков пустыня суха, как духовка, а тундра покрыта болотами; почему...

Да разве можно перечислить все «почему», на которые даст вам ответы география?

К. Марков,

профессор, доктор географических наук

Школьный день начался! (Посёлок Рублёво, Московской области).

ВЕЛИКИЙ ЯЗЫК

Где бы вы ни были: в городе или в деревне, в вагоне поезда или на палубе речного парохода, на севере или на юге нашей страны, в поле или на степном большаке, — всюду прислушайтесь к русскому языку, к певучему народному говору, запомните и впитывайте в себя этот единственный по богатству, образности и поэтичности язык — поистине самый свободный и волшебный из всех языков мира!

Нет ничего такого в окружающей нас жизни и в нашем сознании, чего нельзя было бы передать русским словом: и звучание музыки, и спектральный блеск красок, и шум садов, и сказочность сновидений, и тяжёлое громыхание грозы, и детский лепет, и заунывный ропот прибора, и гнев, и великую радость, и скорбь утраты, и ликование победы!

Нет таких мыслей, понятий, звуков, кра-

сок и образов — и сложных и простых, — для которых не нашлось бы в нашем языке точного выражения.

Прав был Тургенев, когда говорил, что такой язык может быть только у великого народа.

Из народных глубин, из подчас не прослеженных и неведомых истоков расцветает этот изумительный язык. И сколько бы мы его ни изучали, как бы мы ни определяли законы его образования, он всегда будет производить на нас впечатление радостного чуда.

С чем сравнить это впечатление? Как-то на рассвете я шёл по лугу вблизи Оки. Густой туман лежал над лугами и оседал росой на травах. Внезапно я увидел очень высокий огненный цветок. Он как бы зажёг на заре своё душистое пламя и раскрывался, расцветал у меня на глазах. Он весь сверкал от росы, и только тут я заметил, что туман лежит низко, а огненный этот цветок стоит выше тумана, и на него уже упал первый луч солнца.

Сейчас, когда я вспоминаю об этом, то почему-то этот цветок, выросший на нашей земле, кажется мне своеобразным русского языка, сверкающего своим живым, горячим блеском над остальными языками мира.

Вслушайтесь в звучание самых простых русских слов — и вы уловите звуковое богатство языка.

Образцов звукового богатства можно привести множество. Можно раскрыть наугад книгу любого русского поэта или прозаика, такого, скажем, как Чехов, Лесков или Алексей Толстой, и черпать оттуда россыпи языка целыми пригоршнями.

Но для примера надо остановиться на ком-нибудь одном, хотя бы на Лермонтове.

У Лермонтова необыкновенная торжественность языка («Бывало. мерный звук твоих могучих слов воспламенял бойца для битвы...») сменяется изумительно лёгким его переливом, похожим на ночное журчание родника («Как ночи Украйны в сиянии звёзд незатканных, исполнены тайны слова её уст ароматных»). И рядом с этим почти сказочным по звучанию переливом возникает простая разговорная речь:

Что ж мы? На зимние квартиры?

Не смеют, что ли, командиры

Чужие изорвать мундиры

О русские штюки?

В короткой этой статье я не могу сказать о русском языке всё, что о нём следовало бы сказать.

О русском языке можно писать томы исследований, похожих на поэмы, и поэмы, похожие на исследования. Недаром чтение словарей Даля и Ушакова так увлекательно.

Во всяком случае, я уверен, что можно написать интереснейшую книгу не только о всём русском языке, но даже об одном каком-нибудь слове, особенно если это слово овеяно народной поэзией, сказанием,

сказкой или определяет черты народного уклада.

Вы, ребята, снова пришли в школу. Русский язык вы изучаете с первого класса и будете заниматься им и в этом году. Это основной предмет в нашей школе.

Но иногда, нечего греха таить, занятия грамматикой кажутся вам скучными и неинтересными. Некоторые ребята часто ворчат: «Зачем мне заниматься грамматикой, если я с детства разговариваю по-русски?»

По эти разговоры совершенно неправильны. Мне хочется привести вам слова товарища Сталина о языке, он в своей замечательной статье «Относительно марксизма в языкознании» говорит: «Подобно тому, как строительные материалы в строительном деле не составляют здания, хотя без них и невозможно построить здание, так же и словарный состав языка не составляет самого языка, хотя без него и немислится никакой язык. Но словарный состав языка получает величайшее значение, когда он поступает в распоряжение грамматики языка, которая определяет правила изменения слова, правила соединения слов в предложения и, таким образом, придаёт языку стройный, осмысленный характер».

Знания, которые вы получаете в школе, привлекают любовь к родному языку, глубокий интерес к нему, учат вас использовать его неисчерпаемые богатства.

Но часто школьники не следят за своей речью и употребляют канцелярские выражения, вроде «имеем на сегодняшний день», «в общем и целом», заменяют одни понятия другими. Возьмём первый попавшийся пример, который мы часто встречаем в обычной разговорной речи, хотя бы слово «зачитать». Невежды ввели его в обиход вместо хорошего и простого русского слова «прочитать». Можно зачитать до дыр книгу, но нельзя зачитать протокол. Его можно только прочесть.

Часто ребята стараются говорить на каком-то грубом жаргоне. Они употребляют беспомощные, корявые и обывательские словечки, которые выглядят безобразно и жалко, не вжигая с самим духом и звучанием русского языка и торчат в нём занозами.

Нельзя коперкать великолепный и богатый язык, на котором говорили и писали Пушкин и Лев Толстой, Лермонтов и Чернышевский, Чехов и Тимирязев, Горький и Алексей Толстой!

Язык Ленина и Сталина является образцом ясности, силы, простоты и выразительности. Ленин призывал бороться за чистоту и ясность русского языка, и товарищ Сталин уделяет большое внимание вопросам языкознания.

Любите, ребята, русский язык. Изучайте его. Храните его, как народное богатство. Обогащайте его словами, рождёнными нашей эпохой, но словами, достойными этого великого языка, теми словами, которые будут жить века.

Константин Паустовский

ИЗУЧАЙТЕ ФИЗИКУ И МАТЕМАТИКУ

Велик и многообразен мир, окружающий нас. Знакомиться с этим миром, открывать его тайны человек начал давно. Множество вопросов возникало у человека, и на них нужно было дать ответы. Почему падает брошенный камень? Что такое свет? Из чего состоят предметы вокруг нас?.. Простые вопросы, но не просто было ответить на них. Постепенно создавались науки об окружающем нас мире, и среди них — физика. Этим словом назвали науку, связанную с изучением неживой природы, даже название «физика» напоминает нам её задачу — изучать природу. (Физика происходит от греческого слова «физис» — природа).

Люди начали открывать законы природы. Далеко вперёд шагнули они, изучая мир. Неизмеримо выросло их могущество.

Человек заглянул далеко в звёздный мир, узнал, как устроена вселенная, каковы члены семьи Солнца — планеты. Прибор, построенный по законам физики, — телескоп — дал ему чудесное зрение.

Человек увидел невидимое. Прибор,

построенный по законам физики, — микроскоп — дал ему возможность увидеть малые тела в тысячи или даже десятки тысяч раз (электронный микроскоп) и заглянуть в невидимый до сих пор мир.

Мы заставили луч света рассказать нам о том, что происходит в недрах Солнца и звёзд и в воздушной оболочке Земли — атмосфере, — заставили помочь нам найти новые вещества на Земле.

Мы узнали о невидимом свете и слышимых звуках, которые стали играть исключительную роль в современной технике. Всё это невозможно было сделать, не зная физики. Физика открывает нам многие тайны природы. Этим тайн ещё много, и если вы, ребята, захотите быть разведчиками неизведанного, здесь для вас большое поле работы.

Физика не только помогает нам изучать мир. Она помогает переделывать его.

Машины, которые мы строим, действуют по физическим законам. Физика изучает свойства пара — и мы стро-

Интересный опыт помогает понять и запомнить урок.

им паровые машины, но не вслепую, а зная, что и как в них происходит, как они работают.

Мы заставляем электричество работать на нас — и мы пользуемся при этом законами физики. Мы заставили летать самолёты с огромной скоростью (реактивные самолёты).

Мы научились строить радиоприборы, основываясь на законах физики, и радиоволны переносят звуки на тысячи километров, обнаруживают корабли и самолёты ночью и в тумане (радиолокация).

Изучая атом, учёные нашли способ использовать энергию, таящуюся в нём (атомная энергия), и в этом нам помогла физика.

Многие явления, которые происходят вокруг нас, физика выражает языком математики, то есть языком формул и уравнений.

Языком математики можно описать, как происходит полёт самолёта и как

качается маятник, как работает радиоприёмник и что происходит в недрах атома, как движутся звёзды и планеты.

Физика говорит нам, как должна работать машина, а математика помогает нам рассчитать, какой она должна быть.

С математикой, так же как и с физикой, мы сталкиваемся в современной технике на каждом шагу.

Без математики, как и без физики, немислимы были бы великие достижения науки и техники наших дней.

Мы, советские учёные, стремимся использовать достижения науки на благо нашей социалистической Отчизны. Физика и математика помогают нам в этом. Вы, ребята, должны хорошо знать эти науки, чтобы быть хорошими строителями коммунизма.

Профессор, доктор
физико-математических наук,
лауреат Сталинской премии

А. Соколов

Не сделать бы ошибки!

ЖАК-ЛИСЕНОК

Рассказ А. Батрова

Рисунки В. Горяева

1

Нас было трое: я, Эрнест и самый младший из нас, Жак-Лисенок, прозванный так за свои длинные рыжие волосы. Он был слабый мальчишка и часто кашлял, особенно, когда наступало время дождей.

Нас кормила гавань. За три миски макарон мы красили борты, за несколько франков чистили котлы, собирали в гавани уголь. Родных у нас не было. Ночевали мы здесь же, в порту, в трюме старой, заброшенной баржи.

Осень выдалась скверной, камрад. Жак всё кашлял, руки у него были горячие, но держался он молодцом.

— Вы не беспокойтесь обо мне, — весело говорил он. — Хорош больной, — да я могу слопать сразу целую булку. А кашляю я так, просто чтобы прочистить горло...

Как-то раз мы уговорили Жака показаться врачу. Мы пошли к нему все трое. Врач долго осматривал нашего Лисёнка, хмурился и наконец сказал:

— К южному морю тебе нужно, приятель, на тёплое солнышко. Да что зря говорить! Вы не какие-нибудь маменькины сынки, вы должны понять... Скверно живётся во Франции, ребятки...

Он махнул рукой и отказался от платы.

Шли дожди. По ночам холодный ветер врывался сквозь старые люковины трюма и тушил нашу коптилку, сделанную из консервной банки.

Вот такой ночью, когда над Шербургом шумел дождь, Эрнест, который всё ворочался с боку на бок, вдруг поднялся и закричал:

— Слушай, Жак, доктор прописал тебе южное море, так, клянусь, ты будешь там, дружок!

Жак не спал. Он удивлённо посмотрел на Эрнеста, потом на меня и сказал:

— Ты смеёшься, Эрнест?

— И не думаю. В гавани много кораблей...

Мы поняли Эрнеста.

— Что же, я согласен, — тихо ответил Жак, — и я не так плох, как вы думаете.

Я смогу работать там, в море. У меня крепкие руки. Хорошо бы попасть на американский корабль... А что ты думаешь, Селестен?

— За мной дело не станет,— ответил я.— Америка так Америка... Говорят, что там можно заработать кучу долларов... Мы вернёмся в Шербург во всём новом.

— Верно, Селестен,— сказал Эрнест.

Признаться, сильно запахла нам эта Америка в голову. И тут ещё как назло лавочник Шарль Журдан, который скупал у нас собранный в порту уголь, подлил масла в огонь:

— В Америке всего хоть завались, страна — первый сорт!

Пико с концом верёвки направился к Жаку.

То же самое нам сказал и Поль, офицер из бара «Карусель». Только один портовый сторож Филипп, услышав наш разговор об Америке, почему-то сердито плюнул.

Но мы не обратили на него внимания.

Я, Жак и Эрнест были отчаянные мальчишки. Спрятаться в корабельном трюме для нас было не трудно, камрад.

Мы выбрали «Калифорнию», грузовое американское судно.

2

В море спустя сутки нас обнаружил вахтенный матрос, по виду голландец.

— Попали вы к чёрту в зубы,— с трудом подбирая французские слова, сказал он, рассматривая нас.— Несладко вам придётся у капитана Флитта.

Но капитан встретил нас довольно любезно.

— Помыть, накормить, одеть мальчишек и выдать им по стаканчику! — приказал он боцману.

Затем капитан пригласил нас к себе в каюту и поднёс ещё виски, говоря:

— Моряк лишь тот, кто лихо пьёт.

Мы выпили и совсем опьянели. Капитан Флитт позвал боцмана, имя его было Хьюз, и своего лакея Пико и велел нам при них подписать какую-то бумагу. Да, камрад, глупые мы мальчишки, подписали контракт сроком на три года, с жалованьем двенадцать долларов в месяц, в качестве кочегарских учеников.

— Вот вам Америка и куча долларов,— сказал Эрнест.

Но Жак-Лисёнок только рассмеялся:

— Ничего, мы оставим «Калифорнию» в ближайшем порту...

В тот вечер мы стояли на палубе и любовались океаном. Тысячи звёзд отражались в его тихой воде. Ветер дремал. С весёлым гудением вращался винт. Чуть покачивало, и вдали приветливо светились огни встречных кораблей.

— Нет ничего лучше океана! — улыбаясь, говорил Жак.— Придём в Мексику, найдём там работу на берегу океана...

— Да, Жак, видишь, мы завоевали для тебя океан,— сказал Эрнест.— Что же, завоею тебе и Мексику, Лисёнок!

Этим словам не суждено было сбыться.

Как только вдали показался мексиканский порт Вера-Крус, к нам подошёл Пико.

— Ну-ка, пошли за мной! — предложил он, скаля свои кривые, жёлтые зубы.

Мы сразу почувствовали недоброе и отказались следовать за Пико. Ему пришлось позвать на подмогу Хьюза и механика Нильсена. Силой затащили они нас в тесную судовую кладовку. Массивная железная дверь с грохотом захлопнулась за нами.

Ночью Хьюз принёс нам хлеба и холодного кофе.

— То же самое будет и в других портах, — сказал он, скорчив свирепую рожу. — Привыкайте, джентльмены! И не кричите: никто вас не услышит.

Трудно передать всё, что мы пережили, сидя в душевной, тёмной кладовке. На палубу нас выпускали только тогда, когда за кормой «Калифорнии» оставались причалы порта.

3

«Калифорния» совершала рейсы между Вера-Крус и портами Южной Америки. Брали кофе, экстракт квебрахового дерева и медную руду. Лето в этих широтах тяжёлое. Невыносимым зноем полнился океан, к металлическим частям корабля нельзя было прикаснуться. Что-то неладное творилось с Жаком-Лисёнком. Он таял на наших глазах. Ночью он просыпался и кого-то звал. Его лицо сморщилось, словно у старика.

В начале августа, в воскресенье, Жак не вышел на вахту.

— Стимуляция! — закричал Хьюз.

— Он болен, мистер Хьюз.

— Болен? Хорошо, я позову к нему доктора. Эй, доктор Пико!

Пико с концом верёвки в руке подошёл к Жаку.

— Интересно, как тебе понравится такое лекарство?

— Не спрашивай, Пико, всыпь ему! — сказал Хьюз.

И тут произошло нечто неожиданное... На корабле был Нийл Гарисон, о котором среди матросов шёл разговор, будто бы он беглый каторжник и Флитт, зная об этом, принял его за половинную плату. Так вот, когда Пико поднял верёвку, Нийл, который сидел на палубе и вырезывал из дерева трубку, крикнул:

— Назад, Пико!

Пико поблелел. Хьюз почему-то отошёл в сторону, бормоча:

— Нийл, ты снова захотел в горы, бить камни!

— Брось-ка верёвку, Пико, — спокойно повторил Нийл, — а насчёт гор, не вам это говорить... Ну, я не люблю ждать, Пико.

Выругавшись, Пико швырнул верёвку за борт. Было непонятно, как он, правая рука Флитта, исполнил приказание простого матроса.

Мы с благодарностью смотрели на Нийла. Но он, даже не подняв головы, продолжал вырезывать трубку.

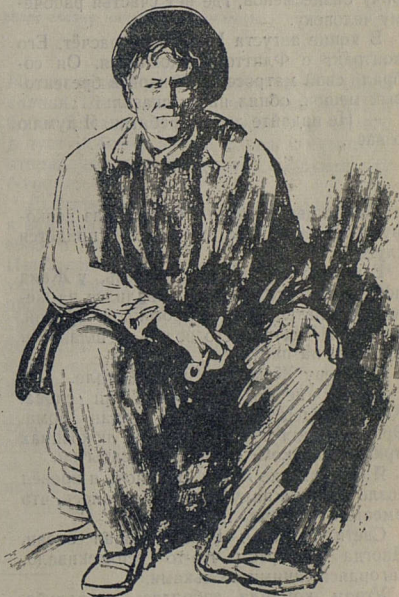
Вечером он сам подошёл к нам и сказал:

— Насчёт гор, ребяташки, это верно. Но попал я туда за матросскую забастовку.

— Ты хороший человек, Нийл. Спасибо!

— Э, чепуха... И собака же этот Пико, не лучше Флитта... Да ничего, дай срок... Когда твоя вахта, Жак? Я стану за тебя.

Нам хотелось обнять этого матроса. Но у него было суровое, строгое лицо. Он сказал:

Назад, Пико! — крикнул Нийл.

— Ладно, без нежностей, ребятки... Вы, наверное, думали, что на американских кораблях рай?

— Да, Нийл, и нам ещё сказали: в Америке настоящая демократия...

Нийл рассмеялся. Он стянул с себя рубаху и показал нам свою спину, вдоль и поперёк обезображенную страшными, бурными рубцами.

— Вот она, «настоящая американская демократия!» — сказал он и перестал смеяться. Его лицо побледнело. Он молча надел на себя рубаху и направился к коцегарке.

Теперь мы не были одинокими на «Калифорнии». В часы, когда Нийл был свободен, он рассказывал нам о своей родине — Америке.

— Она будет прекрасной страной, ребятки, когда народ станет её хозяином...

Вокруг нас собирались моряки. Они внимательно слушали Нийла. По-английски мы объяснялись плохо, но зато хорошо понимали всё, что говорили матросы.

Они ругали Флитта и заодно с ним Америку бизнесменов, где нет счастья рабочему человеку.

В конце августа Нийл взял расчёт. Его контракт с Флиттом закончился. Он собрал свой матросский скарб в брезентовый мешок, обнял нас и сказал:

— Не падайте духом, ребятки. Я думаю о вас...

4

Жак снова заболел. На этот раз всякому было видно, что ему недолго придётся служить Флитту.

В начале сентября, в полдень, у Жака пошла горлом кровь, и он свалился на железные плиты, под ветрогонной трубой. Кочегары окатили его водой из шланга и подняли на палубу.

К вечеру Жака-Лисёнка не стало.

Эрнест не мог выговорить ни слова. Кок-ирландец принёс ему стакан рома. Эрнест выпил и растянулся на люковинах трюма в каком-то тяжёлом забытии.

Я сидел возле Жака. Всю ночь я провёл возле него, на палубе, и мне казалось, что вместе с ним умер и я.

Светили звёзды. Ровно дышал океан. Иногда за бортом что-то всплескивало, загораясь синими огоньками.

Утром команда собралась на палубе. Тело Жака зашили в мешок из-под риса и привязали к ногам груз.

Прощай, товарищ!

Океан сомкнулся над Жаком-Лисёнком. Колокол на баке пробил четыре двойных удара, и команда разошлась.

5

«Калифорния» продолжала свои рейсы. Капитан Флитт отлично ел и спокойно спал, словно ничего не случилось. От Нийла не было никаких вестей. Лишь месяц спустя штормовой ночью кок-ирландец передал мне от него письмо. В письме было лишь несколько слов:

«Селестен, всем сразу вам не убежать. Пусть первый Жак. Всё устроит ирландец. Нийл».

Слишком поздно...

Я спрятал письмо в карман и спустился в коцегарку, где Эрнест выгребал из поддувала золу, отозвал его в сторону и сказал:

— Слушай, Эрнест, у кока-ирландца есть ключ от кладовки... В Вера-Крус ты оставишь «Калифорнию»...

— Я? Но что будет с тобой?

— Обо мне не беспокойся. Я получил весточку от Нийла. Он пишет: пусть первым бежит Эрнест... Я уйду вторым. Так хочет Нийл...

Вера-Крус показался на другой день, к вечеру. Хьюз и Пико, как всегда, заперли нас в кладовку. Наступила ночь. Прилнув ухом к замочной скважине, я с тревогой прислушивался к голосам матросов. Потом всё стихло. После полуночных склянок кок осторожно открыл дверь кладовки. В эту ночь Эрнест бежал.

Когда капитан узнал об этом, он ударил Хьюза ногой в живот, а затем приказал привести меня к себе, в каюту. Он сказал:

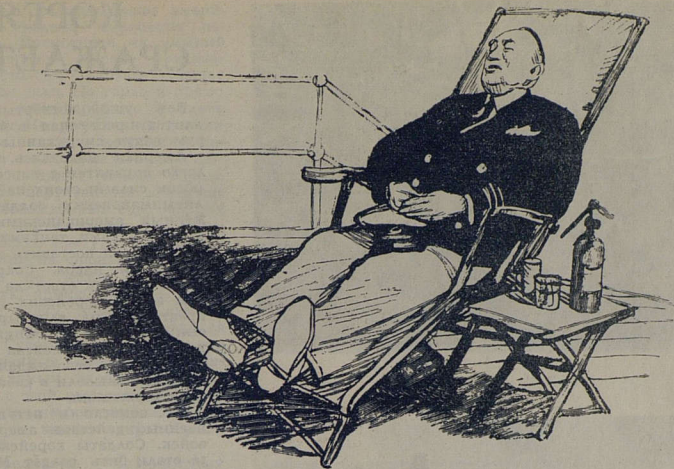
— Скажи, кто помогал Эрнесту, и ты получишь двадцать долларов!

Я не ответил. Флитт вынул из ящика стола пистолет. Я стоял, смотрел Флитту прямо в глаза и ждал выстрела. Я не боялся. Слишком скверно жилось мне на «Калифорнии», чтобы бояться смерти. Может быть, капитан понял это. Он крикнул стоящим за дверью Пико и Хьюзу:

— Эй, вы, уберите французского щенка! Он разговорится в океане!..

Но и там, несмотря на сорок ударов плетью, я не выдал ирландца. Теперь во время стоянок меня запирали уже не в кладовку, а в карцер, как преступника.

Больше я не мог оставаться на «Калифорнии». 29 октября 1948 года, на четвёр-

Капитан Флитт отлично ел и спокойно спал, словно ничего не случилось.

тые сутки по выходе из Буэнос-Айреса, в три часа ночи я вышел на палубу и надел на себя пробковый пояс.

Я знал, на что иду. Если меня не подберёт какой-нибудь корабль — мне суждено погибнуть в пучине. Пусть так. Это лучше, чем быть пленником Флитта.

Я взял с собой бутылку вина, снял башмаки и ползком пробрался на спардек. Оттуда я прыгнул за борт. Меня сразу отнесло в сторону, и огни «Калифорнии» стали быстро удаляться.

Океан был спокоен. Когда взошло солнце, я вытащил из кармана бутылку с вином, вытащил зубами пробку и отпил несколько глотков. Через некоторое время я отчётливо разглядел на севере дым корабля. Но судно прошло стороной. Неожиданно я почувствовал под собой сильное движение воды и закрыл глаза. Акула?! Нет, ничего не было. Я был с океаном один на один. Быть может, я плакал. Не знаю.

Мысли путались. То я видел перед собой здания Шербурга, то мне вспоминался побег Эрнеста, кок-ирландец спрятал его в пустую бочку из-под масла и, чуть свет отправляясь за провизией, выгрузил эту бочку на берег...

Дышать становилось труднее. Напрасно я всматривался в даль. Ничего. Лишь высоко в небе парили белые альбатросы. Приблизительно часов в девять утра я увидел корабль. Мне показалось, что и он пройдёт стороной. Я потерял сознание. Остальное вы знаете. Мне никогда не забыть советских моряков. Как бы я хотел иметь хоть маленький кусочек вашего флага. Я всегда носил бы его на груди...

...Эту историю рассказал мне семнадцатилетний француз Селестен Лебрэн, спасённый командой нашего корабля в Атлантике, на обратном пути из Рио-де-Жанейро.

Рассказ его я передал дословно.

КОРЕЯ СРАЖАЕТСЯ

Вот уже четвёртый месяц длится преступная война, которую ведут американцы в Корее.

Америка надеялась, что она легко справится с корейским народом силами своих наёмников — лисьянмановских солдат, вооружённых американскими пулемётами, пушками, танками.

Но нельзя поставить на колени свободный народ. Сокрушительными ударами ответила захватчикам армия корейских рабочих и крестьян. Она вышвырнула лисьянмановских разбойников из Северной Кореи и повела наступление на юг, освобождая районы, где ещё изнывали в кабале корейские труженики.

Не помогло и вступление в военные действия американских войск. Солдаты корейского народа стали бить солдат Макартура не хуже, чем били солдат Ли Сын Мана.

В бешеной злобе за свои неудачи американцы зверски мстят корейскому народу.

«Летающие крепости» бомбят мирные города Кореи, сбрасывают фугасные и зажигательные бомбы на жилые кварталы. Тысячи корейцев уже остались без крова и пищи.

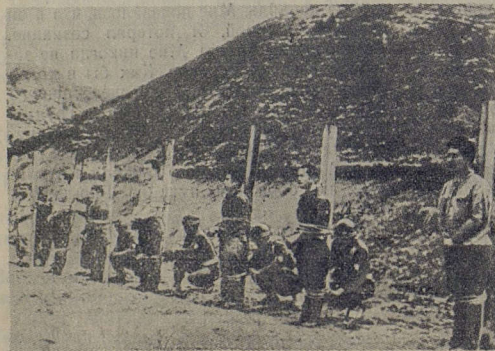
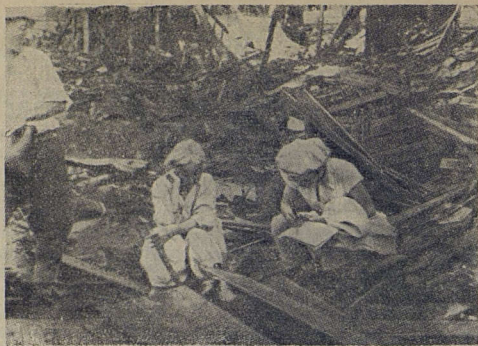
Пилоты американских штурмовиков на бреющем полёте расстреливают из пулемётов и реактивных пушек беззащитных жителей: детей, стариков, женщин. Весь мир охвачен негодованием против этих чудовищных злодеяний интервентов.

Посмотрите на верхний снимок слева. Такие снимки мы видели, когда фашистские самолёты со свастикой бомбили мирные города и сёла. Но самолёт, разрушивший дом этой старой корейской женщины и отнявший у неё семью, нёс на своих крыльях не фашистскую свастику, а американские опознавательные знаки.

Американские агрессоры безжалостно уничтожают в Корее фабрики и заводы, библиотеки и музеи, больницы и школы.

Это была больница (средний снимок слева). Там лежали больные, слабые, беззащитные люди, которых никак не назовёшь «противником». Но американские убийцы не посчитались с этим. Они зверски уничтожили больницу, как уничтожили много других мирных учреждений.

С холодной, расчётливой же-

стокостью расстреливают американские палачи корейских патриотов. Посмотрите на нижний левый снимок. Крепко привязаны к столбам жертвы. Сейчас раздается залп. Но гордо и прямо смотрят приговорённые в глаза убийцам. Не расстрелять американским солдатам корейский народ! На место каждого расстрелянного встанут новые борцы. Ширится партизанское движение в не освобождённых ещё районах страны. Партизаны на юге с тыла помогают наступлению Народной армии на фронте.

Ничто не может остановить Народную армию. Вот её части идут в атаку (верхний снимок справа). На высоте укрепились враг. Стремительным броском мужественные бойцы приблизились к самым окопам. Они выбьют и с этой высоты американцев и лисынмановцев, как выбили их со многих укреплённых рубежей.

Расстреливать беззащитных людей с самолётов куда легче и безопаснее, чем лицом к лицу встретиться в бою с вооружённым, смелым и сильным противником. Вот они, американские агрессоры, ещё недавно, перед вторжением, хваставшиеся, что скоро будут в Пхеньяне. Теперь они бредут безоружные, сдавшиеся в плен частям Народной армии (средний правый снимок).

Народная армия наступает, она отбрасывает и теснит к морю отчаянно сопротивляющиеся американские и лисынмановские войска. Не помогут им кровавые расправы с мирными городами, не помогут им расстрелы и виселицы. Корейский народ, его армия расплатятся с ними за слёзы осиротевших детей, матерей, жён, за кровь убитых и замученных. Вот её части вступают в освобождённый город (нижний снимок справа). Чекаен шаг. Бодро смотрят вперёд бойцы. Они знают: правое дело победит, родная Корея будет свободна и едина.

Корея сражается. Народы всего мира протестуют против кровавых преступлений американских интервентов в Корею. Всё громче и громче раздается голос миллионов: прекратить американскую агрессию, прекратить варварскую бомбардировку корейских городов и сёл, вывести из Кореи все иностранные войска! Чудовищным злодеяниям агрессоров наступит конец!

ВЕСНОЙ В ПОЛОВОДЬЕ

(Окончание)

Виктор Баныкин

Рисунки П. Кузьмичёва

Таинственная надпись

Утром Савушкин сказал:

— Ты тут останешься, Леонид. Сходи за шиповником в рощу, бересты пощи для растопки. А то полёт дождь — и огня не разведёшь.

— Шиповника мы вчера набрали. Я с вами хочу, — упрямо проговорил мальчик. — Вы плот будете делать.

— Не торопись, торопыга. Сперва надо ещё брёвна найти. А потом... Мало ли потом будет всякий хлопот!.. Тут и колья надо заготовить и верёвки из лыка скрутить... И тебе, парень, работы хватит, — так же спокойно сказал Иван Савельевич. — А пока шиповником занимайся. Насобираешь сумку, будешь нам помогать... С этим плотом все попотеет!

Савушкин и тракторист ушли, и Лёня не проводил их даже взглядом. Но как только Иван Савельевич и Набоков скрылись за деревьями, он вкочил и побежал к шалашу за рюкзаком.

«Наберу полный рюкзак шиповных ягод, бересту разыщу и отправлюсь помогать Ивану Савельевичу и Андрею», — решил Лёня.

Он так спешил, что не заметил лежавшей на дороге доски, принесённой Савушкиным накануне, споткнулся об неё и упал.

И тут Лёня увидел на гладкой свиновосерой поверхности доски тонкую жёлтую полоску.

— Треснула! — испуганно сказал он вслух. Вспомнив, что этой доской Иван Савельевич закрывал на ночь входное отверстие в шалаш, мальчик наклонился и поднял её обеими руками.

«А ведь это крышка от стола», — подумал Лёня.

На одном углу доски когда-то были вырезаны ножом три слова. От времени некоторые буквы стали едва заметными, другие совсем выкрошались, и вместо них остались одни ямки. Лёня с трудом прочитал: «След дуза а». Во втором слове стёрлась какая-то буква. Немного пониже этих непонятных слов стояло третье: «П тя».

— Интересно, что всё это значит? — рассуждал про себя Лёня. — Какое-то странное «след» и совсем непонятное «дуза а» и «п тя». Какие буквы стояли в этих двух последних словах?.. И что, если «след» — просто след? Скажем, след волка или лисы?

Он присел на корточки и стал торопливо писать на песке пальцем: «дузаба, дузава, дузада, дузака...» «Такого и животного, наверное, на земле нет: дузаба или дузака. Совершенно непонятно...»

Но тут Лёня вспомнил о поручении Савушкина. Взяв из шалаша рюкзак, он прикрыл входное отверстие крышкой от стола и направился через поляну к тонким осинкам.

Утро было серенькое и туманное.

Лёня посмотрел на белесое, неприветливое небо и неожиданно вспомнил: «А дома у нас уже позавтракали, и папа уехал на промысел!» И только он подумал об этом, как в пустом желудке появилась тупая, сосущая боль. У мальчика закружилась голова и почернело в глазах. Он остановился и зажмурился.

«Лучше не думать. Лучше не думать... Не я один хочу есть. Иван Савельевич и Андрей тоже голодные», — Лёня облизал пересохшие губы и осторожно, с боязнью приподнял веки. Деревья уже не покачивались из стороны в сторону. На высоком кусте с покрасневшими почками прыгала кургузая синичка.

«Цвин, цвин!» — беззаботно распевала синичка, совсем не обращая внимания на мальчика.

«А если наловить синичек и воробьёв и суп из них сварить? Вкусно будет?» — спросил себя Лёня и затаил дыхание.

Птичка покачиваясь на тоненьком прутике, распутив пёстрый хвостик, и будто нарочно дразнила мальчика. Синица сидела так близко, что, казалось, если бы он немного наклонился вперёд и протянул руку, то она непременно очутилась бы в его дрожащих пальцах.

«Клетку сюда и горсточку пшена. Тогда можно бы. А так... разве поймашь?» — думал Лёня, всё ещё не решив, что делать: продолжать ли путь дальше или попытаться поймать синицу.

Внезапно птичка вспорхнула и, задорно пощипывая и ныряя между деревьями, легко полетела в глубь рощи.

Лёня вздохнул и пошёл дальше. Обирая с колоючих кустов шиповника красивые ягоды, похожие на раскалённые угольки, он как-то незаметно для себя перестал думать о пище. Он всё время ощущал неприятную пустоту в желудке, но постепенно притерпелся к ней, и она его уже не беспокоила.

Случайно сунув руку в карман, Лёня тут же выдернул её, будто обжёг.

«Ой, да ведь это же... коржик! Сапшин коржик. Гостинок сестричке».

В кармане коржик разломился на две половинки. Он казался очень соблазнительным. Румяная корочка блестела, а к зубчатому краю, хрустким, с блёстками сахарного песка, так и хотелось поскорее прикоснуться кончиком языка.

Лёня смотрел на находку и раздумывал: «Будет очень нехорошо, если я один съем коржик... А всё-таки как хочется есть!» Он облизал губы и отвёл от коржика взгляд. У него дрожали руки и нервно, с переборами, колотилось сердце.

«Да одним коржиком разве наешься?» — угорваривая себя Лёня. — Я их, наверное, штук сто сразу съел бы... Надо всем вместе. На три части разделить», — говорил себе мальчик и в то же время полегоньку отщипывал от коржика тонкие зубчики и отправлял их в рот.

Вдруг Лёня весь побледнел и закрыл лицо руками.

«Что я делаю? И как я буду Ивану Савельевичу и Андрею в глаза глядеть?» — пронеслось у него в голове, и ему захотелось плакать.

...Набоков вернулся на поляну раньше Савушкина.

Устало присев у шалаша, тракторист положил на руки голову и так надолго застыл в этой неудобной позе. Он с утра чувствовал себя плохо: болела голова, перед глазами плавали радужные пятна.

Вскоре из-за осынок показался Савушкин. Он нёс большую вязанку сена. И только когда Иван Савельевич совсем близко подошёл к шалашу и, сбросив на землю сено, сказал: «По дороге прихватил», — Набоков встрепенулся, поднял голову. Не глядя Савушкину в лицо, он кашлянул в кулак и глухо сказал:

— Ничего... хотя бы одно насмех попало! — и опять покашлял.

Савушкин поглядел заросший селой щебиной подборонок и, скользя взглядом по

обветренному, потускневшему лицу тракториста, проговорил:

— Я тоже... впусую ходил.

— И вы не нашли?.. Как же мы теперь?

— Наверно, мы с тобой плохо искали. Завтра ещё походим... Брёвна могло песком занести, снегом...

— Утешаете? — У тракториста искривились губы, и ему захотелось сказать Савушкину что-нибудь злое, но он сдержался и промолчал.

— Это верно, скажу тебе, теперь не часто плоты разбирают. Даже в осенние штормы редко это случается, — после недолгого молчания негромко и задумчиво сказал Савушкин. — Потому что плотокараваны в настоящее время не по старинке сплавают. Мощными буксирами водят. А между командами и бригадами социалистическое соревнование. Борьба за безаварийные, стахановские рейсы. Каждое брёвнышко на учёте! Но всё же бывает, что и оторвёт когда звено от плота. Попробуй в штормовую ночь усидеть! Расшвыряет всё звено направо-налево... Которые брёвна вниз поплывут, которые на берег волны выбросят...

Набоков поднял из-под ног гибкий прут и, размахивая им, побрёл к берегу.

— Андрей, ты не знаешь, где у нас Леонид? Рюкзаки с шиповником здесь, береста тоже вот... Скоро темнеть начнёт, а мальчишки нет! — окликнул тракториста Савушкин.

Набоков не ответил.

Лёня явился в сумерках.

— Это ты где пропадал? — стараясь казаться сердитым, заговорил Иван Савельевич. — Где шатался, спрашиваю? Разве так можно? Не слушая Ивана Савельевича, мальчик сдвинул на затылок малахай и возбуждённо закричал:

— Вы мне лучше вот что скажите: вы брёвна нашли?.. Что молчите?.. Не нашли?

Он переводил взгляд на Набокова на Савушкина, и глаза его блеснули.

Андрей, в течение уже целых двух часов сосредоточенно вырезавший на пруте большим складным ножом какой-то замысловатый узор и при появлении Лёни даже не взглянувший на него, вдруг выпрямился и со злостью сказал:

— Ну, не нашли. Ну, а тебе что же...

Лёня снова сбил назад малахай — теперь он чуть держался на макушке — и закричал ещё громче:

— Не расстраивайся, Андрюша! Будет у нас плот! Я брёвна нашёл... Правда, мальчик!

— Где? — спросил Савушкин.

— А вот там, под берегом, — мальчик махнул рукой на юго-восток.

Набоков вкочил:

— Где? Где, говоришь?.. Да в этой стороне я был. Никаких брёвен там нет!

— Нет, есть! Нет, есть! И совсем недалеко отсюда...

Лёня одёрнула куртку и скороговоркой, словно боясь, что его перебьют, принялся рассказывать:

— Вернулся из рощи, смотрю, на поляне никого. Ну, я и решил тоже идти. Думаю, может быть, вас по дороге встречю. И подаюсь вдоль самого берега. А когда до большой песчаной косы дошёл, то вниз спустился.

Тут и брёвна... Только я их не сразу приметил. Все брёвна песком занесло. Никаких признаков! И я дальше пошёл. А уж когда обратно возвращался, то на этой самой косе сел на бугорок отдохнуть... Ноги что-то устали. Кошнул от нечего делать палкой, а она в твёрдое упёрлась. Я руками... а там брёвна!

— Сколько? — недоверчиво покосился на мальчика Набоков.

— Много!. Я их все не откапывал. Посмотрел: брёвна — и сюда бежать!

— Не знаешь, а говоришь, много! — усмехнулся тракторист. — Ему всё показалось, Иван Савельевич! Я по той косе тоже проходил. Нет там ничего!

— Выходит, я вру? — дрогнувшим от обиды голосом проговорил Лёня. — Я же пионер! Как ты можешь так говорить!.. Раз не веришь, пойдём. Пойдём сейчас же!

Набоков смутился:

— Ну, вот ещё... Ну, чего это ты, Лёнька?.. Я просто хотел...

— Нет, пойдём! — не отставал мальчик. — Я тебе покажу...

— Положите... Леонид, не петушью! — Иван Савельевич притянул к себе Лёню. — Завтра утром пойдём. А теперь поздно, совсем свечерело. Да и ты устал: вон до каких пор ходил! Я было и чай шиповный вскипятил, а тебя всё нет и нет... Опять вот надо огонь разводить.

— Иду берегом, а из канавки заяц выскочил. Ну, прямо из-под ног, — ни к кому не обращаясь, проговорил тракторист и вздохнул. — Была бы под руками палка, может, и подшиб бы косого... Прямо к самой спине подводил живот. Хотя бы корочку какую!..

Вдруг у него в руке, немного вытянутой вперёд, очутилось что-то твёрдое и шероховатое. Он крепко сжал пальцы и, наклонившись к Лёне, сдавленным голосом спросил:

— Ты чего?

— Это, — Лёня замаялся немного, — это коржик. Самый настоящий. Только я забыл про него. А вы кушайте с Иваном Савельевичем. Это гостинец моей сестричке от Саши... От друга, который в больнице.

— А ты себе оставил? — спросил Савушкин.

— Я себе тоже... Я всем поровну, — запинаясь, проговорил Лёня и глотнул раскрытым ртом воздух.

Скоро на крутом берегу запылал костёр.

С видом очень занятого человека Иван Савельевич старательно помешал палочкой ягоды шиповника в банке и поднял на тракториста спокойные глаза.

— Двадцать восемь спичек осталось, — сказал он и потряс коробком. — Беречь надо. Я так думаю: больше пяти на день расходовать нельзя. Три, скажем, на костёр, две тебе на день на курицу.

— Обойдёмся. Я мало стал курить. Папирос одна пачка всего, — согласился тракторист.

Лёня не ошибся. В четверти километра от шалаша, на песчаной косе, в кустах тальника наши девятнадцать сосновых брёвен.

Казалось, не только Лёня, но даже Набоков и Савушкин ещё никогда в жизни не испытывали такого огромного душевного подъёма.

Каждое новое откопанное бревно встречали шумными, весёлыми криками.

— Взгляните! Вы только как следует взгляните на них! — закричал тракторист, когда Иван Савельевич объявил «перекурку». — Это же не брёвна, это произведения искусства!

— А ты садись отдохни. Ну, чего шумишь, шальной? — сказал Иван Савельевич. — У нас впереди полным-полно всяких дел. А силы, само-собой, беречь надо.

Андрей опустился рядом с Лёней и Савушкиным, сидевшими на одном из брёвен. Широко расставив ноги, он опёрся ладонями о колени и, немного помолчав, обратился к Ивану Савельевичу:

— Теперь, что же, пойдём лыко драть? А потом и корабль наш начнём сооружать.

Савушкин окинул взглядом прибрежную полосу песка с цепкими и живучими кустиками тальника и развёл руками:

— Да разве можно на этом месте делать плот? Где ты его здесь укроешь от ледохода? Не сегодня, так завтра, скажу тебе, тут всё затопит!

Лёня так и привскочил.

— Как же быть, Иван Савельевич? — бледнея, проговорил он.

— А ты не пугайся, — засмеялся Савушкин. — Я уж и место для стоянки плота нашёл. Совсем рядом, вот за этим выступом, — он кивнул вправо. — Такая удобная заводь!

Набоков и Лёня изъявили желание немедленно осмотреть бухту.

Бухта оказалась удобной и тихой, хорошо защищённой от ветра высокими берегами.

— В этой заводь никакой опасности не будет плоту, — говорил Савушкин, поглядывая на крутые берега. — К тому же и от полны нашей рукой подать. А брёвна мы сюда перекатим по жердям. Притомимся ласость, да другого выхода нет.

— Ничего, перетанит! — согласился Набоков.

Лёня дотронулся пальцами до руки тракториста и прошептал:

— Тише!.. Смотрите, смтрите на берег.

У самой кромки воды медленно и важно разгуливали две птицы.

— Грачи, — улыбунася Савушкин.

— Ишь, как вышагивают! — мотнула головой Андрей.

Лёня, Набоков и Савушкин уже недели две назад видели первых грачей, но вот сейчас, снова увидев этих желанных весенних гостей, вдруг испытали то тёплое, радостное чувство, которое всегда появляется при встрече с приятелями.

Молча постояв несколько минут, они потихоньку гуськом отправились из бухты, часто оглядываясь на грачей и улыбаясь.

Набоков, шедший последним, приблизился к мальчику и проговорил ему на ухо:

— Лёнька, подожди.

Когда тот остановился, тракторист покосился на Савушкина и тихо спросил:

— Ты на меня сердиться?

— А за что?

— За вчерашнее... Так уж получилось... проглядел брёвна...

— Ну, что ты! — тоже негромко проговорил Лёня, чувствуя, как у него жарким пламенем

Когда заканчивали последние работы, бухту начала заливать всё прибывающая вода.

заполыхали щёки. — Знаешь, Андрюша, о чём я сейчас подумал? — продолжал он, наклоня голову. — Сделаем сегодня плот, а завтра... что, если завтра льду на Волге будет мало и мы правда поплывём?.. А то в воскресенье ребята в подшефный колхоз поедут радиоприёмники устанавливать. Мне тоже хочется!

— Непременно! Будет готов плот! И если льду мало останется, непременно отправимся, — уверенно сказал Набоков.

Весь день прошёл в напряжённом труде. Перетаскав в бухту брёвна, занялись заготовкой тальниковых прутьев и липких, шероховатых верёвок, сплетённых из лыка.

К вечеру плот действительно был готов. Когда заканчивали последние работы, бухту начала заливать всё прибывающая вода.

— К утру, пожалуй, и до плота доберётся, — заметил Савушкин.

Набоков взобрался на плот и прошёлся по скользким, пахнущим смолой брёвнам. По его вискам и подбородку сбежали тёплые струйки, но тракторист даже не подумал поднять на брякшую свинцовую тяжестью руку и смахнуть с лица пот.

— А не рассыплется он у нас, Иван Савельевич? А? — обратился Набоков к Савушкину. — Вышлывем на середину Волги, а прутья и самодельные верёвки возьмём да и порвётся? Вот будет история!

— Не беспокойся, — сказал тот. — Хоть до Каспия плыви, ничего не случится.

Тракторист посмотрел на Волгу, на огромные льдины, проплывающие мимо, и с тоской проговорил:

— И когда им конец наступит? Четвёртые сутки валом валят.

Савушкин устало опустился на край бревна и снял шапку.

— Волга, Андрей, — это тебе не Уса какая-нибудь, а всем рекам река! Понимать надо. Иная льдина, может, знаешь, откуда плывёт? Из-под города Ярославля или ещё дальше... Давайте-ка на прикол поставим плот. Уж теперь, ребяташки, недолго ждать...

Вернувшись к шалашу, они сели отдыхать у обрыва.

Долго молчали. В наползавших на землю густых, тёмных сумерках каким-то далёким, манящим огоньком светилась, то разгораясь, то тускнея, папирса Набокова.

Первым нарушил тягучую тишину тракторист.

— Так хочется скорее домой! У меня теперь в МТС ребята прямо с ума, наверно, сходят! Неужели, скажут, этот Андрейка никак не может перебраться через Волгу? Весна-то не ждёт! А он, скажут, — Набоков посмотрел на небо и, перебивая себя, заговорил о другом: — Все боялись, как бы днём дождь не пошёл, а его и не было. А сейчас, взгляните-ка, звёзды!

Савушкин тоже запрокинул голову. Высоко в небе мерцали большие яркие звёзды.

— А дождь всё-таки будет, — проговорил, не торопясь, Иван Савельевич. — Не сегодня, так дня через два — три, но обязательно. Вон они как играют, звёздочки-то! Это всегда к дождю.

Лёня возился у костра. Он то совал в огонь тонкие сухие прутьики, то, наклоняясь, дул на медленно занимавшееся пламя.

— След дузаа птя, — еле шевеля губами, почти беззвучно повторял он. — След дузаа птя... А что, если «след» — это следопыт?..

Неожиданно его пронзила радостная мысль: «Так оно и есть! Следопыт Дерсу Узала! Ну

да, храбрый и отважный Дерсу Узала. Знаменитый следопыт, герой чудесной книги Арсеньева. И как раньше я об этом не догадался! А «пта» — это просто Петя. Сын или внук бакенщика. Он читал когда-то в домике на Середыше книгу Арсеньева, а потом взял и вырезал на столе: «След. Д. Узала Петя».

— Отгадал, отгадал! — закричал Лёня.

— О чём это ты, Лёнька? — спросил Савушкин, подходя к мальчику.

Радостно возбуждённый, Лёня повернулся к Савушкину и опять закричал:

— Иван Савельевич, я ведь отгадал! Правда, отгадал надпись!

— Какую надпись?

— На доске!.. На доске от крышки стола, которую вы принесли из домика бакенщика. Он бросился к шалашу и сейчас же вернулся, неся перед собой доску.

— Вот смотрите! Видите?..

Над доской склонились Савушкин и Набоков.

— Что-то никак не разберу, — проговорил Савушкин и потёр рукой глаза. — Ну-ка, поближе к огню.

— Теперь прочли? — допытывался Лёня.

— След дузаа, — неуверенно произнёс тракторист. — Какая-то бессмыслица... Да тут позиции ещё что-то вырезано. Ну, конечно... Ещё слово: птя...

Набоков выпрямился и передёрнул плечами.

— Ничего не понимаю! — сказал он. — Бессмыслица!..

— И совсем не бессмыслица! Я отгадал надпись... Следопыт Дерсу Узала! Вот что означает «След дузаа». Так звал героя книги исследователя Дальнего Востока Владимира Клавдиевича Арсеньева. Книгу Арсеньева читал в домике бакенщика Петя... Я не знаю, кто такой Петя...

— Постой, постой, — вдруг бледнее, промолвил Савушкин и отобрал у Лёни доску. — Говоришь, Петя вырезал надпись? Петя?!

— Иван Савельевич, вы знаете этого Петьку? — спросил Лёня.

Савушкин вырвал из рук доску и, ничего не говоря, медленно повернулся спиной к мальчику и зашагал прочь от костра.

— Иван Савельевич! Иван Савельевич! — закричал Лёня и бросился вслед за Савушкиным.

Бригадир оглянулся, обнял подбежавшего мальчика и ласково проговорил:

— Ну, что ты? Ну, я сейчас вернусь... Вон до берега дойду. Иди себе к костру.

Лёня прилёг на охапку сена и стал думать о неизвестном мальчике Пете, читавшем на острове Середыше об отважном Дерсу Узала. И эта надпись, случайно обнаруженная Лёней на старой доске от развалившегося стола и показавшаяся вначале такой непонятной и даже загадочной, теперь вдруг стала близкой и пробудила в памяти воспоминания о прочитанных книгах.

Потом Лёню начал одолевать сон. Спалась веки, и набок клоаилась голова. Мальчику подумалось, что вот сейчас, может быть, из мрака ночи выйдет на огонёк костра Дерсу Узала в своей неизменной оленьей куртке. Кряхтя и покашливая, он присядет у костра, не спеша набьёт табаком трубку и,

задумчивая трогливая, на всёмле угольки и подпыхивая погудкой, станет рассказывать о своих новых приключениях, на описанных Арсеньевых.

На разведку в луга

На рассвете хватил морозец. Луги в ложбинках и овражках затянуло тонким ледком. На солнечной опушке начинало припекать, а в роще держалась прохлада.

В шалаше ещё спали. Но сон этот не был здоровым, освежающим, когда встаёшь утром бодрым и всёмём и от вчерашней усталости ничего не остаётся, будто её сняло рукой.

Лёня лежал на боку, скрестив руки и поджав к животу худые, мелко дрожавшие ноги. По всему было видно, что он сильно прозябал. С вечера, когда дожились спать, Савушкин укрыл его сеном. Ночью Лёня ворочался, и всё сено сбилось к ногам.

Набоков спал на спине, закинув назад голову, и что-то бормотал — бессмысленное и тревожное.

Раньше всех очнулся Иван Савельевич. У него болела спина, ныла поясница. Поворачиваясь, он с трудом передвигал ноги, ставшие непослушными, точно чужие.

Входные отверстия было прикрыто неплотно. В мягкий сумрак шалаша врывались оранжево-синие ручейки солнечного света. Шурясь, Савушкин глядел на эти тихие нескончаемые струйки и думал.

Думал он сразу о многом: о вагончике для трактористов, который должны были закончить на этих днях колхозные плотники, о первых днях сева — всегда самых беспокойных, — о надписи на доске, о жене (уже пятнадцать лет он звал её «моя старушка») и о том, что нынче надо заняться вентерями.

Вчера вечером он заметил, как осунулось и без того худое лицо Лёни, но больше всего Ивана Савельевича поразил Набоков. Тракторист изменился сразу, как-то в один час. Его упрямые, озорные глаза потускнели и провалились, а широкое лицо стало иссиня-жёлтым.

«Молодые ещё, — думал Иван Савельевич, — им такое в диковину. Это мне, старому, мало ли всякого довелось пережить...»

Рядом пошевелился Лёня. Савушкин приподнялся на локте и посмотрел мальчику в лицо. Тот повертел головой и опять успокоился. Из-под съехавшего на затылок маляха показались смятые волосы.

Иван Савельевич вздохнул, робко, с отцовской нежностью провёл ладонью по голове Лёни. Волосы у него были мягкие, светлокаштановые.

Мальчик зашевелил губами, чему-то улыбулся во сне и, полуоткрыв веки, спросил тихим, но внятнм голосом:

— Уже в школу пора? — И снова заснул.

Стараясь как можно меньше шуметь, Савушкин положил ему на ноги охапку сена, выбрался из шалаша.

Немного погодя Лёня приподнял голову и, поморщившись, опять опустил её на «подушку» — мешок, набитый сухими дистьями.

«Почему так виски больно? — спросил он себя, прислушиваясь. — Андрей спит, а Ивана

Савельевича нет. А на поляне ветер шумит. И звенит что-то. Наверно, ручей».

Лёня вытнул ноги и тут только почувствовал, что они озябли.

«И когда этот ветер затихнет? Как нехорошо, когда ветер воет и голова болит!» — подумал он.

Лёня был в каком-то забытьи. Он слышал, как Набоков стукнулся локтем о стенку, а минуты через две сердито и скороговоркой прокричал: «Сима, зачем ты дверь растворила?» — но приидти в себя и открыл глаза не мог. Лёня скорее понял, что увидел, что тракторист вдруг приподнялся и сел, взявшись руками за свою большую голову.

Набокову мерещился огромный стол, лომившийся от всевозможных кушаний. Он так явно видел чугуны с горячими жирными щами, жаровни с мясом и рыбой, доверху наполненные оладьями миски, что начинал даже ощущать пряные и острые запахи перца, жареного лука. Андрей закрывал глаза, но стол не пропадал. А в пустом желудке всё сосало и сосало. Потом начались судорожные боли. Он повалился на бок и заскрежетал зубами.

Через час Савушкин проснулся в шалаш голый и привелливо позвал:

— Поднимайтесь, молодцы! Чай готов!

Лёня открыл глаза. Вскользь посмотрев на Савушкина, спросил:

— Ветер сильный?

— Никакого ветра. Тихо и солнечно. Нынче такой будет день, майскому ни в чём не уступи!»

Мальчик встал, но лицо его выражало полное безразличие ко всему.

Набоков продолжал лежать неподвижно, плотно сжав посеревшие губы, и упрямо смотрел куда-то вверх.

Иван Савельевич взял его за ногу и потянул к себе.

— Не трогайте... Никуда я не пойду, — проворчал тракторист.

Но потом, словно опомнившись, он медленно вылез из шалаша и тут же прикрыл рукой лицо. Его ладно с плотно сжатыми пальцами, щитком поставленная перед глазами, горела розовым пламенем.

«Опять чай... — думал он, направляясь к костру. — А во рту горько... как полынь желва!».

Неожиданно из-за ветлы, нависшей над обрывом, с криком вылетела стайка грузных уток. Кряквы низко пронеслись над берегом и скрылись за осинами.

— Ну и утки! — вздохнул Набоков.

— В луга полетели, — почему-то шёпотом отозвался Лёня и тоже вздохнул.

— Утки — да, стоящие, — не спеша проговорил Савушкин, вертя между пальцами зубчатый листочек, весь в крохотных дырочках, будто исколотый иголкой. — А ты садись, Андрей, попей чаю. Летом тут дичи этой самой, скажу вам, тьма будет. Петруха Коротков, плотник из нашего колхоза, прошлой осенью привёз с этого самого Середыша двадцать три утки. За одну ночь настрелял. Верно говорю. День-то какой, а? Благодать. Прибьлв большая пошла. И льду меньше стало. Примечаете?.. Духом никогда не надо падать. Сейчас вот венгерями займусь. Гля-

дишь, один — другой, да и соберём как-нибудь из бросового хлама. А на ночь в ерике поставим. К вечеру её, воды-то, знаете сколько разольётся!.. — Иван Савельевич помолчал. — Мальцом мне не один год в подпасках довелось ходить. По сиротству рос, без отца и матери. Всякое бывало. Раз, помню, после сева дело было... Хлеб уж давно поделали, вся еда у бедноты — картошка да квас, помилуй нас. Да и картошки-то не вволю. А у меня, у сироты, и подавно. Чего у меня? Кнут да старый чапанишюк — вот и богатство моё всё! Голодать приходилось. Ляжешь без ужина и к стаду пойдёшь без завтрака. Ежели какая-нибудь жалостливая баба сунет в руку пёдную картошку, ну, и на том спасибо. А когда и так, с пустой сумкой, отправившись на выпас. В один такой день пригнали мы с пастухом скотину... Да-а... Коровы по леску, по полянкам бродят, а мы на пеньки уселись. Рано, росы кругом по колено, комары жалят, проклятые, а тут ещё живот подводит. И так вдруг, скажу вам, нестерпимо мне стало, ну, хоть на траву падай и по-волчьи вой. Встал я и пошёл в чащу. Так просто, лишь бы не корчиться, потому что о ту пору я ещё не было. Шёл, шёл и вдруг слышу соловей! Прямо над головой. И как это защёкает, будто жемчуга по листьям рассыпает. Я так и замер. И что ж вы думаете? Около часа, а то, может, и больше на одном месте простоял, соловей слушал. Меня уж пастух начал звать и по-всякому ругаться, а я всё никак не очнусь... Впоследствии я понял: человеку красота природы так же нужна, как пища...

Савушкин замолчал. Он долго смотрел на Волгу и, как подумалось Набокову, был где-то далеко со своими мыслями.

Тракторист бросил на песок закопчённую жестяную банку и вытер о полу пиджака выпачканные в саже руки.

— Пойдём, Лёня, на разведку, — заговорил он. — Поглядим, как вода разливается... В такое время, бывает, и зайчишки попадаются. Сидят на бугорке, а кругом вода.

— Это верно, сходите, — одобительно промолвил Иван Савельевич.

— Мы так пойдём: ты рошей, мимо того оврага, где хворост собирали, а потом в луга выйдешь, а я вправо пойду, к озеру. В лугах и встретимся. Понял? — спросил тракторист мальчика.

— А чего же тут такого? С первой буквы всё понял, — ответил Лёня и встал.

Похлопав руками по карманам, Набоков вспомнил, что спички с вечера оставались у Савушкина, и спросил:

— Иван Савельевич, дайте мне спички! Не бойтесь, я из нормы выхождить не буду.

— Держи, — ответил Савушкин. Подавая трактористу коробок, он добавил: — Помни: подальше положишь, поближе возьмёшь.

Около молодой осины с обглоданной зайцами корой Лёня поднял тяжёлую суковатую палку. Он легонько ударял её по стволам деревьев. Деревья вздрагивали и еле слышно звенели.

Это солнечное утро с таким прозрачным голубым небом, тихая, немного грустная роща с сияющими в мокром блеске осинами и берёзками произвели на Лёню глубокое впечат-

ление. Он во всей полноте ощутил прелесть молодой весны.

Его уже не мучили больше приступы голода. Гаулая, ноющая боль в животе и лёгкое головокружение беспокоили мало.

Лёня не заметил, как подошёл к оврагу, и в изумлении остановился. В овраге чернела вода. Деревья и кустарники в низине по ту сторону оврага стояли в светлоголубой лазури и тоже с изумлением смотрелись в это удивительное огромное зеркало.

Дятел рядом громко и часто заработал дятел. Лёня огляделся вокруг. Неподальку от него в пышной тёмнозелёной хвое стояла красавица-сосна. По меднокрасному гладкому стволу её торопливо бежал вверх пёстрый дятел с малиновой грудкой. Иногда он останавливался и, тряхнув головкой, начинал гулко долбить кору своим длинным клювом.

Дятел глянул на Лёню. Один миг он о чём-то раздумывал, потом взмахнул крыльями и полетел, громко крича:

— Кик, кик!

Лёня побрёл по берегу оврага в сторону лугов. Деревья скоро кончились, и потянулся редкий кустарник. На невысоком бугорке торчал большой старый пенёк. Здесь когда-то шумел густой лиственный богатырь-осокорь. На чёрном гниющем пне, сплошь покрытом маленькими дырочками, сидел грустный серый лягушонок. Пригретый солнцем, он задремал и не видел, как Лёня подошёл к пеньку.

Мальчик наклонился, чтобы взять лягушонка в руки, но он проснулся и, страшно перепугавшись, прыгнул на землю, блеснув белым гладким брюшком, и тут же пропал в коричневой листве.

— Я вот тебя! — сказал Лёня и улыбнулся.

Спать закружилась голова. Лёня решил отдохнуть. Он сел на пенёк и, опершись руками на папку, как это обычно делают старики, положил на них подбородок.

Стало клонить ко сну, и уже сами собой опустились веки, как вдруг Лёня почувствовал, что он медленно оседает вниз. Пенёк под ним сжимался, как губка. Лёня открыл глаза, поднялся и снова пошёл.

Теперь Лёня шёл рядом с водой. Начинаясь весенний разлив. Волга выходила из своих берегов.

Внезапно недалеко от берега что-то заплескалось, и по сонной воде пошли круги: один, другой, третий... Совсем рядом над водой появилась какая-то чёрная кочка.

«Неужели такая большая лягушка?» — подумал Лёня и присел за куст бузины, крепко сжимая в руке папку.

Он осторожно раздвинул тонкие ветви и, затаив дыхание, стал наблюдать. Время шло, а кочка не двигалась с места, и у Лёни, наконец, пропало терпение. Он уже хотел приподняться и запустить в чёрную кочку папку, как вдруг она зашевелилась и медленно стала приближаться к берегу, всё больше и больше показываясь над водой. «Щука!» — пронеслось у Лёни в голове, и он ещё крепче сжал в руке суковатую папку.

У берега показалась чёрная, словно головешка, продолговатая голова. Лёня так волновался, что даже не помнил, что он выскочил из-за куста и, размахнувшись, ударил папкой рыбу по голове.

Лёню всего окатило искристыми брызгами, но он только сморгнул с ресниц холодные капельки и опять с силой опустил папку.

Лёня схватил щуку за скользкую голову и поволок на берег.

Боясь, что рыба уйдёт, Лёня цепко схватил её за скользкую голову и поволок на берег. Щука была большая и старая, с бесмысленно выпученными глазами.

Сделав несколько торопливых шагов, Лёня совершенно задохнулся; у него страшно закомотилось сердце, и земля поплыла из-под ног.

Он опустился на землю, полукрытым ртом глотая душный тёплый воздух, и подумал: «Эх, и обрадуются теперь Иван Савельевич и Андрей! Такой рыбищей можно сразу досыта всем наесться». Он был несказанно счастлив, что ему удалось добыть щуку, в которой они сейчас все так нуждались.

Но лежал он недолго. «Меня ждут», — подумал Лёня и начал вставать, превозмогая странную усталость во всём теле и омерзительную тошноту, лихим каубком подступавшую к горлу.

Напрягая последние силы, он поднял щуку и, взвалив её на плечо, тронулся в обратный путь.

В ложбинку, через которую Лёня проходил совсем недавно, уже пролилась вода.

Мальчик свернул влево. Он долго брёл по светлым прогалинам и перелескам, обходя частые заросли кустарника, пока опять не подошёл к воде. Она синела между красными прутьями вербовника, стеной преградившего ему дорогу.

Уронив к ногам рыбу и усаженно дыша, Лёня схватился рукой за куст. В ту же минуту он отшатнулся назад, напуганный раздавшимся совсем рядом не то выстрелом, не то шумом чего-то тяжёлого, брошенного в воду.

Над его головой, свистя крыльями, пролетали две краквы с поджатыми желтокрасными лапками.

Придя в себя, Лёня грудью налёг на упругие прутья, раздвинул их и неожиданно увидел Набокова.

Тракторист стоял по колено в воде и полными глухой тоски глазами глядел на колыхавшуюся на зыбких волнах короткую толстую палку.

Привет с „Большой земли“

Ещё издали Лёня закричал:
— Иван Савельевич!.. Смотрите!.. Мы с Андреем щуку поймали!

Вслед за Лёней нетвёрдо шагал Набоков, держа в опущенной руке огромную рыбку. Хвост рыбы волочился по песку.

У Савушкина вдруг задрожали руки. Отбросив в сторону разложенный на колёсах кусок сети с мелкими ячейками, он встал и заторопился навстречу пришедшим.

Молча взял Иван Савельевич рыбку в свои широкие ладони и, прищурившись, стал для чего-то прикидывать в уме её вес.

Лёня, не отрываясь, глядел в лицо этого горячо полюбившегося ему человека и только сейчас увидел, как он похудел.

«Эх, и трудно было бы нам с Андреем на острове без Ивана Савельевича!» — вдруг подумалось мальчику.

— Килограммов семь, родимая, будет, — сказал Иван Савельевич, разглядывая щуку. — Э, да она раненая была! Видите, под жабрами? Где это вы такую?..

— А там вон... где вода разлилась, — устало произнёс Лёня.

— Мы её варить будем. Почистим, нарежем кусочками — и в банку. Я сейчас всё приготовлю, — сказал Иван Савельевич — А вы костёр разведите... Дай-ка мне ножик твой, Андрей.

...Едва Савушкин вылез из-под крутого глинистого берега, держа в руке банку с водой, и мелком окуину взглядом окаменевших возле кучки хвороста Набокова и Лёню, как сразу понял: стрясаас беда! Тракторист и мальчик были так бледны, что издали могло показаться, будто их лица обсыпаны мукой. И, когда он подошёл к ним, ни тот, ни другой не подняли глаз.

Савушкин присел и поставил на песок банку. В чистой воде лежали белые куски рыбы.

— Спички потерял, Андрей? — негромко спросил Иван Савельевич.

Набоков ещё ниже склонил голову.

— Левый карман у меня прохудился. Я в него ничего не клаа, — еле шевеля губами, сказал он. — В лугах закуривал... забыл про это...

Лёня сжал в кулаке кусочек бересты и шмыгнул носом.

— Ты скажи, где ходил, я искать пойду, — дружески и как-то очень ласково, словно старший младшему, проговорил мальчик и опять шмыгнул носом. — Я быстро, правда. А ты пока на солнышке посушишь.

— Где там... — тракторист безнадежно махнул рукой. — Закуривал я у озера. А коробок выпал... может, в другом месте где.

Иван Савельевич откинул полу шубняка и сунул руку в пиджак. И вдруг на его ладони Лёня увидел две спички.

— Вот, — сказал Иван Савельевич. — Помнишь, Андрей? Когда мы через остров к Воле шли, и ты закуривать стал... Они самые...

Первая спичка не загорелась. Когда Иван Савельевич чиркнул ею по гладкой поверхности доски, принесённой из домика бакенщика, красная головка рассыпалась на мелкие песчинки.

Повертев между дрожащими пальцами четырёхгранную палочку с розовым кончиком, Савушкин отбросил её в сторону и ребром руки вытер влажный лоб. Он стал раздеваться. И хотя была совершенно безветренно, попросил Лёню загородить его от берега шубняком.

— А ты бересту держи наготове, — сказал Иван Савельевич Набокову. — Да ближе ко мне... Ещё ближе придвинься.

Сжимая левой рукой доску, поставленную в песок, Савушкин в правой держал вторую, последнюю спичку. Он посмотрел на неё одно мгновение, показавшееся Набокову и Лёне долгим часом. Можно было подумать, что эта тоненькая палочка неожиданно стала такой тяжёлой, что Иван Савельевич не в силах был ею взмахнуть. Но вот рука дёрнулась вверх, и... на кончике спички запылаг белый, едва приметный язычок.

Тракторист осторожно поднёс к огоньку кусок бересты. Она тут же вспыхнула.

— Под сучки, под сучки её! — закрычал Лёня.

Поглядывая на загоревшиеся хворостинки, Иван Савельевич говорил:

— Теперь придётся всё время поддерживать костёр. Дежурить будем по очереди.

Пока варилась рыба, Набоков сушил чёсанки. Рядом с ним на песке лежал Лёня.

— Кругом так разлилось, Иван Савельевич! — говорил мальчик. — В роще, за оврагом, где мы дрова собирали, тоже всё затопило.

Андрей прислушался к булькающей в банке воде, потёр ладонью горячий лоб. Чмокнув языком, вздохнул:

— Жалко, соли нет.

— Это ты верно, соли не имеем, — Савушкин почесал между бровями и хитровато усмехнулся. — Ну, скажи-ка, а ещё чего не хватает?.. У нас в колхозе прошлой весной такой случай был. Выехала первая бригада на сев. А у первой бригады поле самое дальнее. Километров за десять от деревни. Ну, всё, как положено, скажу вам. Два трактора, четыре сеялки. Сеют. В полдень обед. Тётка Лукерья — повариха — стол цветистой скатертью накрыла, хлеб поргородскому нарезала. Сели трактористы и сенцы за стол. Лукерья каждому под нос тарелку ставит с супом из баранины. А суп жирный, горячий. Вокруг стола бригадир похаживает, Степан Николаевич. И вид у него — чисто именинник. «Купайте, ребята, на здоровьечко! На второе каша молочная...» Смотрят ребята, а ложек нет. Побежала Лукерья к себе на кухню за ложками, а их и там нет. Забыли ложки привезти! Вот уж смешу на весь колхоз было.

Набоков поморщился и как-то болезненно улынулся.

— У меня жинка — мастерица всякое готовить, — сказал он. — Люблю до смерти её щи. Тарелку съешь, и ещё хочется. Объядение!

— А я думал, ты ещё холостой. Когда женился? — спросил Савушкин.

— В прошлом году. В самый раз на праздник. Восьмого ноября.

— Сколько же тебе лет?

— Тысяча девятьсот двадцать пятого года рождения. — Набоков поднял на Ивана Савельевича потемневшие глаза. — Весной в сорок первом семь классов окончил. И о чём только ни мечтал! То собирался звёздные миры изучать, разные там созвездия Фефия и Лебеда, то собирался ехать в город и поступать в речной техникум... В июне началась война, а осенью я уже на тракторе зябь поднимал.

— А теперь как? — приподнявшись на локте, спросил Лёня.

— А что теперь? Пашу, сею, хлеб убираю. Теперь меня от земли не оторвёшь. Крепко она мне полюбилась, земля-то! Как увижу где-нибудь бросовый клочок, так меня и подмывает скорее его запахать. Чтобы и от этой земли польза была человеку. — Андрей хрипло засмеялся. Немного погодя он добавил: — Осенью в техникум механизации сельского хозяйства поеду учиться. Окончу

техникум — и опять в свою МТС. Непременно... Годков так через пяток, думаю, у нас ни одного тракториста или там комбайнера без среднего образования не останется.

Иван Савельевич пожевал губами.

— Вызвали меня по осени в райком. Это когда в партию принимали, — заговорил он. — Сам первый секретарь беседовал. «Расскажите, — говорит, — товарищ Савушкин, про свою работу в колхозе». Стал я по порядку всё выкладывать. Как в колхоз в двадцать девятом вступил, как конюхом был, как курсы полеводств проходил, и всё там прочее. Целую биографию. Секретарь слушает и головой всё кивает. Потом опять начинает пытаться. «Расскажите, — говорит, — ещё про то, товарищ Савушкин, как вы урожай богатый собрали. Лучший во всём районе». Опять рассказываю... Когда кончил, секретарь спрашивает: «А на будущий год какой план у вас?» «В это лето, — говорю, — по сто пудов осилили хлеба, а теперь, — говорю, — слово такое даём: по сто пятьдесят собрать». «Спрашиваетесь?» — спрашивает. «Все виды, — говорю, — на то имеем. Не вслепую действуем. Прощу, — говорю, — от лица всей бригады занести наше обязательство в письмо трудящихся области товарищу Сталину». Ну, похвалил он меня. И насчёт образования моего полюбопытствовал. А какое у меня образование? Кто его знает! До тридцати лет грамоты совсем не знал. Это верно. А в колхоз поступил, в ликбез стал ходить. И ещё на курсах разных раз пять побывал. Каждую зиму всей бригадой в кружке агротехнику изучаем. Мы этот свой кружок бригадной академией прозвали... Вот и всё тут образование. У вас вот, у молодёжи, другое дело. Перед вами все двери в науку открыты. Про сына вот скажу...

Савушкин вдруг замолчал. Он помешал в банке гладко выструганной палочкой и вздохнул.

— А у вас есть сын? — спросил Лёня.

Иван Савельевич посмотрел в сторону.

— Один сын был и того теперь нет, — тихо сказал он. — Прямо из института на фронт уехал... На агронома учился, легко науки ему давались. Мысль большую имел: пшеницу такую вырастить, чтоб её никакие вредители и сузуйки не смогли одолеть. Да не пришлось вот. В Белоруссии погиб. Когда полк из окружения к своим пробивался... Мне теперь, старому, за двоих приходится работать...

— А как звали вашего сына, Иван Савельевич? — немного погодя опять спросил Лёня.

— Петром... Петей...

Мальчик стремительно поднялся:

— А он, Петя ваш, на Середыше не бывал? У бакенщика?

— Каждое лето... Когда таким, как ты, постарелом бегаю...

Лёня хотел было уже закричать: «Так, значит, это он вырезал надписи на столе в домике бакенщика!», — но, взглянув на Савушкина, осёкся. Он понял, как тяжело сейчас Ивану Савельевичу, и ничего не сказал больше.

Андрей, тоже волнуясь, достал пачку папирос с оторванным уголком, переложил её с ладони на ладонь и опять спрятал в кар-

ман. Он долго смотрел на подёрнутые дымкой угли.

В молчании прошло больше получаса. Внезапно, словно очнувшись от сна, тракторист встрепенулся и, сцепив на затылке руки, потянулся, крепко зажмурился.

— Что-то ломает всего, — протяжно и скрипуче сказала Набоков. — Малярия, видно, опять... Такая противная болезнь!

Савушкин бросил на тракториста пыливый взгляд и про себя с тревогой отметил, что Набокову, вероятно, и в самом деле очень нездоровится, как бы он не свалился.

— Не бережешь ты себя совсем, парень, — укоризненно проговорил Иван Савельевич. — Ну, разве можно было заходить в воду... Это в чёсанках-то! — Он, покачивая головой, принялся хвостинкой отгребать от банки раскалённые угольки. — Рыба готова. Закусим вот, и ложись, — заметил Савушкин, не глядя на тракториста. — А я в луга схожу, покормлю поищу. Говорят, помогает от малярии, если кипятком обварить и попить... Лёня, вставай, дорогой!

Откуда-то донёсся еле уловимый гул. Потом он стал отчетливее, словно совсем рядом, в кустарнике, кружил шмель.

— Шум какой! Слышите? — спросил Набоков. — Или это у меня в ушах?

А гул с каждой секундой нарастал всё стремительнее. Вот уже мощное, рокочущее каюкотание сотрясло безбрежное, синее небо.

Приставив к глазам руку, Лёня пристально посмотрел вверх. И вдруг радостно выкрикнул:

— Самолёт!.. Вон, вон... видите?

Савушкин и Набоков поглядели в небо. Действительно, высоко над землёй серебрился самолёт. У Ивана Савельевича от яркого света скоро потекли по щекам слёзы, а он всё смотрел и смотрел в небесную синеву, часто моргая веками, но самолёта уже не видел: от голода перед глазами бегали чёрные букашки.

Вдруг Лёня схватил Набокова за плечо:

— Смотрите, смотрите... обратно поворачивает!.. А что, если он нас разыскивает?

Самолёт снова пронёсся над островом.

— Хворосту... больше хворосту на костёр! — проговорил Иван Савельевич и сам первый побежал к шалашу.

За ним бросились Лёня и Набоков.

А самолёт уже медленнее кружил над островом, с каждым новым заходом опускаясь всё ниже и ниже.

Неожиданно от борта кабины что-то отделилось, и вниз полетел ящик.

— Ещё хворосту! Ещё! — торопил Иван Савельевич.

«Молодые, а такие нерасторопные», — сердито думал он о трактористе и мальчике, на самом деле старавшихся изо всех сил.

Наконец на поляне запылала огромный жаркий костёр. Стоя немного в стороне от бушующего пламени, Савушкин, Набоков и Лёня неотрывно следили за самолётом.

«Заметит или не заметит наш костёр? — думал каждый из них. — Заметит или не заметит?»

— Сюда летит, — еле шевеля губами, сказал тракторист.

Лёня даже вздрогнул, когда из-за деревьев, чуть не задевая их колёсами, вылетел

аэроплан. Мгновение — другое мальчик стоял, вглядываясь в быстро приближающуюся стальную птицу, а потом, сорвавшись с места, забегал по поляне, размахивая руками.

— Заметил, заметил! — не помня себя от возбуждения, кричал он.

Через несколько минут самолёт опять полёл над поляной, слегка покачиваясь по боку набок, как бы отвечая на приветствия.

Неожиданно от борта второй кабины что-то отделилось, и вниз полетел ящик. Он упал где-то за стоящими на краю поляны осинками.

Лёня побежал к опушке. Вслед за ним бросились и Набоков с Иваном Савельевичем. Но едва Савушкин пробежал несколько шагов, как почувствовал себя нехорошо: закружилась голова, а глаза застлали горячая пелена тумана.

«Годы дают себя знать... — подумал Иван Савельевич, останавливаясь. — Надо только успокоиться, и тогда всё пройдёт», — внушал он себе. Он поднял голову и посмотрел вверх. Самолёт, набрав высоту, делал последний круг над островом. Поднял руку, бригадир помахал самолёту на прощание.

Из-за кустарника показались Набоков и Лёня, волоча по песку обшитый мешковиной ящик.

— Эх, и тяжёлый, — сказал, задыхаясь, мальчик.

Опустившись перед ящиком на колени, Савушкин внимательно осмотрел его со всех сторон. Из пришитого к мешковине кармашка Иван Савельевич вынул непослушными пальцами листочек клетчатой бумаги, сложенной вдвое.

— Читай, Лёнька, — сказал он.

Прежде чем развернуть листочек, Лёня вытер рукой мокрое от пота, разгорячённое лицо.

— Дорогие товарищи!.. — начал он, запинаясь. — От решения взять вас на самолёт приходится... — он на секунду замолчал, разбирая непонятное слово, — приходится отказаться. Посадка на острове невозможна. Но лишь поредет лёд, вас снимет катер. В ящике продукты. Крепитесь, друзья! Вашим родным сегодня дадим знать. Привет с Большой земли!

Мальчик уже давно кончил читать, а Набоков и Савушкин всё ещё сидели, не шелохнувшись, глубоко потрясённые случившимся.

— Вы только подумайте, родные, — спустя несколько минут заговорила Иван Савельевич, с удивлением прислушиваясь к своему голосу, звучавшему незнакомо и приглушённо. — Только вот подумайте... Большая наша советская земля, нет ей ни конца, ни края, и народу в нашей державе много, а случись вот с человеком какая беда, не оставят его, не бросят!..

Савушкин хотел сказать что-то ещё, но отвернулся и, как показалось Лёне, украдкой смахнул со щеки слезу.

Сигналы с горы

Под вечер Набокову стало совсем плохо, и Савушкин с Лёней уложили его в шалаше на приготовленную из сена постель. Когда

тракторист забылся, Иван Савельевич сказал мальчику:

— Пойду поищу поляны. И вентерь где-нибудь поставлю в ерике. Глядишь, за ночь и рыбёшка зайдёт.

— А зачем она теперь? — спросил Лёня. — У нас колбаса есть, и консервы, и сыр...

Савушкин вскинул на плечо вентерь.

— Надо ж обновить сетку, а то собирались собирали...

— А вы скоро вернётесь?

— Я недолго. А ты, дружок, в шалаш поуще заглядывай. Воды вскипяти. Как бы Андрей пить не захотел.

Иван Савельевич ушёл.

«Вот уж и пятая ночь, — говорил себе Лёня, отгирая несомко закоптевшую банку. — Пятую ночь будем проводить на Середыше. Дома месяц пройдёт, не заметишь, а здесь...»

Он попытался представить себе, что сейчас делается дома, в школе... Ване Обухову, наверно, придется трудновато. Ему тяжело давалась математика, и Лёня часто вечерами занимался с ним... А Саша в больнице. Откуда ему знать, что с его другом случилось такое приключение? Настоящий Робинзон. И остров настоящий. Мальчишки в школе, пожалуй, так и прозовут его — Робинзоном.

«Пусть смеются, — думал Лёня, — зато теперь я научился делать много такого, чего раньше не умел. Пусть попробует кто-нибудь из ребят в сильный ветер костёр разжечь одной спичкой. И не сумеет. А я разведу. И ночью, пожалуйста, куда угодно пойду и не заплаутаю. Рыболовные сети чинить умею. Вентерь могу сделать».

Лёне казалось, что за эти немногие дни, проведённые им на острове Середыше, он стал как будто другим, словно внезапно вырос и у него шире открылись глаза на большой и прекрасный мир.

...Набоков спал, пылающей щекой уткнувшись в сено. У него высоко и часто поднималась широкая грудь, шевелились губы. Обеими руками тракторист крепко сжимал какой-то свёрток. Мальчик нагнулся и пощупал промасленную тряпицу.

«Подшипник», — догадался Лёня.

Посидев в ногах у Набокова, он вернулся к весело полыхавшему костру.

Смеркалось.

Было тихо. Золотисто-алые языки пламени взлетали так высоко, что казалось, вот-вот лизнут молодую звёздочку на далёком небе.

От сильного света рябило в глазах, ничего не было видно вокруг: ни шалаша, ни деревьев, ни Волги — всё поглощала лохматая темнота. Но стоило лишь выйти из беспокойного желтовато-багряного пятна, которое бросал на землю костёр, как уже можно было различить и шалаш и стоящие вблизи осины. А где-то далеко, между крутым берегом и темнеющими на той стороне горами, пылали льдины, серые, чуть заметные, будто тучи по опрокинутому вниз небу.

Наконец возвратился Савушкин. Он принёс большой пучок тальниковых трутвей. Лёня обрадованно появился Иван Савельевича.

— А вы долго ходили! Я вас уж давно жду, — сказал мальчик.

— Всё ходил... Для вентеря место выби-

рал, спички поискал. Спичек в посылку забыли нам положить. Ну, я и решил: посылки, которые Андрей обронил. Да впустую. Там, где вы утром были, теперь не пройдёшь. — Иван Савельевич бросил на песок туго связанные прутья и, сняв шапку, вытер платком лоб. — Ох и половеде в эту весну, скажу тебе! Большая вода. Ту сторону острова всю затопило, и Старый Посад обрисулся как на ладони... На обратном пути заходил плот проверять. Весь в воде. Плыви хоть сию минуту. Ему в этой заводи, как в затоне.

Выразительно посмотрев на шалаш, Савушкин негромко спросил:

— Как Андрей?

— Ничего. Спит.

— Может быть, обойдётся всё по-хорошему. Бывает так: отоспится человек — и болезни конец... Польшынь вот принёс. Вскипятим в воде да попиом его.

Лёня потрогал гибкие прутья.

— Иван Савельевич, зачем они вам?

— В большом артельном хозяйстве всё может пригодиться. Навоз, к примеру, на дровнях без плетушки не повезёшь в поле. Вот мне мысль такая и пришла — подсобное производство при колхозе наладить по изготовлению плетушек. Тяельку этого тут столько — целых три района корзинками обеспечить можно. И недалеко. Всего в двух километрах от Волги живём.

— А на Волге опять столько льдищу! — грустно протянул Лёня.

— Это последний. Завтра, глядишь, и в путь тронемся. — Иван Савельевич ласково взял Лёню за подбородок, заглянул ему в лицо. — Теперь, парень, ло дому рукой подать... Сейчас Андрея проведаю, и костёр почерез разведём, какао варить будем.

Когда Лёня думал о том, что скоро они покинут наконец остров и он будет дома, его охватывало сильное волнение. Ему всё время хотелось что-то делать, говорить, он не мог спокойно сидеть ни одной минуты. Лёня пошёл к обрыву.

— Ты чего это там делаешь? — окликнул его Савушкин.

— А так... смотрю, — донеслось в ответ.

Иван Савельевич неторопливым шагом подошёл к нему.

— Погляди вон на ту высокую гору, — сказал Лёня. — Видите?

Савушкин посмотрел по направлению лённой руки. Над самым высоким хребтом Жигулей, едва не задевая зубчатых вершущек чёрных сосен, висела крупная неяркая звезда.

— Видите? — опять нетерпеливо спросил Лёня.

— А чего там? — повёл плечом Савушкин. — Звёздочка горит.

— Да нет же, это огонь на буровой! — засмеялся Лёня. — Чтобы ночью самолёты на вышку не наткнулись, фонарь на ней зажигают. Я тоже только сейчас догадался. Думаю: а ведь это фонарь светится!

Лёня помолчал, потом заговорил снова:

— Смотрю на огонёк и, знаете, о чём думаю? А что если отец, думаю, сейчас там? Может быть, и он наш сигнал увидит, правда? С этой горы далеко всё вокруг видно.

— А ты сам не был на горе? — спросил Иван Савельевич.

— Был. Я летом лазил на гору! — горячо сказал мальчик. — Дух захватывает, когда по тропинке лезешь ущельем. Сорвёшься вниз, косточек не соберёшь. Отец говорит, это самая трудная буровая на всём промысле. Бурильщики там и живут, на своём «Памире». Это они так гору зовут.

Мальчик негромко засмеялся.

— В бригаде есть бурильщик Ибрагим Макурязнов, — продолжал он. — Весёлый такой и сильный! Всегда песни поёт! Интересные. Сам сочиняет. Стоит у лёбёдки и поёт себе:

Ай-э, гора высокая Жигули,

Бурить тебя будем, бурить,

Нефти надо много пятiletке!

Море — бензина, реки — мазута!

Ибрагим добудет много нефти.

Ай-э, много нефти...

А дальше не помню. Очень длинная песня. Савушкин наступил на белеший под ногой камешек и вдавил его в песок.

— Ты, Лёня, кем же собираешься быть? — спросил он мальчика. — Или ещё не думал об этом?

— Как же, думаю. Вот даже сегодня думал... Когда геологом хочется быть, как отец, а когда ещё кем-нибудь...

Лёня смуглился и умоак.

— Мне хочется много-много знать, — задумчиво проговорил он минуту спустя и, опять помолчав, добавил еле слышно, одним дыханием: — Про всю жизнь. И во всём быть таким, как Ленин и Сталин.

Иван Савельевич взял мальчика за локоть и ласково сказал:

— На каникулы приезжай в гости. Старушка моя, скажу тебе, будет куда как рада. У нас в колхозе знаменитые бахчи. Я тебя такими арбузами и дынями угощу, за уши не оттянешь!

Про себя он подумал: «Когда дерево в бурю сломают, оно всегда пускает побеги. Зелёные, сочные. Так и в народе... Дружные всходы растут, надёжные. Молоденький ещё, а смотри-ка!». Хороший паренёк... Он мне как бы вроде внука.

Вдруг Савушкин сказал:

— Лёня, ну-ка, погляди на гору, на огонёк. Он чего-то мигать начал... Верно?

Мальчик ничего не ответил. Тогда Иван Савельевич снова спросил:

— Ты чего, или не видишь, как огонёк миг-миг?... Будто знаки какие-то с горы дают?

— Подождите, — пробормотал Лёня. — Точка... точка... точка... тире. Это «ж» значит. Тире... точка... точка...

Потом Лёня совсем смолк: у него только шевелились губы. Через минуту — другую он повернулся к Савушкину и весело и радостно закричал:

— Это с буровой нам сигналят. Там папка, наверно! Он же знает, что азбукой Морзе я отличню владеею... «Ждите завтра катер!» — вот что передают с горы.

Глотнув раскрытым ртом воздух, мальчик закричал ещё громче, прыгая и хлопая в ладоши:

— Завтра будем дома! Завтра будем дома!

Точно о чём-то вспоминая, он побежал к костру, выхватил из него длинную горящую палку. Потом, вернувшись к обрыву, он принялся размахивать этим факелом, отвечая на сигналы с буровой вышки.

Катер стремительно нёсся навстречу плоту, огибал большие льдины.

...Почти всю ночь Иван Савельевич просидел около Набокова. Андрей стонал и метался в жару, порывисто приподнимался, собиравшись куда-то бежать. Потом затихал, пять—десять минут лежал спокойно и снова начинал бредить. Иногда Набоков жалобно просил:

— Спасите меня. Совсем замерзаю.

Савушкин укрывал его своим шубняком, сверху наваливал сена, а он всё просил:

— Тулопом ещё покройте. Руки у меня кончаются!

Когда тракторист ненадолго затихал, Иван Савельевич вылезал из шалаша и, положив в костёр хворосту, грелся. Костёр горел у самого входа в шалаш, но в шалаше от этого не было теплее.

На рассвете, сбросив к ногам шубняк, Андрей успокоился. Иван Савельевич осторожно поднял откинутую в сторону тяжёлую горячую руку тракториста в старых мозолях и ссадинках, подержал её в своей руке.

«Ну, братец, и перевернуло же тебя,— подумал он, глядявываясь в похушевшее лицо Набокова. — Ну, да это ничего. Молодой, поправиться...»

От костра в шалаш падали багровые пятна света, то яркие, то тусклые, и лицо у Андрея становилось то зловеще красным, то пепельно-кирпичным, с большими чёрными провалами вместо глаз.

Надев шубняк, Савушкин разбудил Лёню и шёпотом сказал:

— Я часика два вздремну, а ты покарауль Андрея. И за костром последи. Помногу не клади, дров мало. А если что, — буди меня.

...Проснувшись, Иван Савельевич выглянул из шалаша и от удивления чуть не вскрикнул. Вокруг всё было бело. Валя густой снег. Сырые хлопья засыпали всю поляну, облепили деревья и всё торопливо падали и падали, точно боялись, как бы не растаять, не долетев до земли. А спиной к шалашу неподвижно,

как изваяние, сидел Лёня, весь белый от снега. В ногах у него чернела круглая ямка, от которой пахло горьким дымом.

Савушкин на коленях подполз к потухшему костру и дрожащими пальцами принялся ворошить сырой холодный пепел. Он подолгу дул на каждый тёплый уголёк, но все его старания были напрасны.

— Нет... не разгорятся,— вздохнул он и, помолчав, повторил: — Не разгорятся.

Мальчик медленно поднял посиневшее лицо, дико посмотрел по сторонам и, ничего не понимая, стал протирать кулаком глаза. С рукавов куртки и махаха обледеневшими корочками отваливался снег и падал на землю.

Часов в десять утра снег перестал падать, пошёл дождь. Иван Савельевич, уже третий раз ходивший посмотреть, не показался ли на Волге катер, явился совершенно мокрым.

— Не будет сегодня катера,— тяжело сказал он. — Опасно в такой лёд. В порошок сотрёт. Савушкин присел рядом с трактористом.

— Ожил, Андрей? — спросил он, вытирая о штаны мокрые красные руки.

— Отпустила, проклятая.

— Ну и хорошо. Главное, ты ей не поддавайся. Есть хочешь?

Андрей покачал головой.

— Это ты брось! Пища, скажу тебе, как लेकरство... Давайте-ка завтракать. Обязательно колбасы попробуй, сыру. Консервы тоже вкусные — сазан в томате. Икра ещё есть. Целый берестяный стакан. Это уж своя. Из щуки.

Лёня сидел в углу шалаша, подобрал ноги, и чувствовал себя очень виноватым. Иван Савельевич искося гляну на притихшего мальчугана и потеплевшим голосом проговорил:

— Ну, хватит. Не печалься. Дождик-то вон какой хлещет, так и так не спаси бы костёр... Вина твоя есть, это верно. Хорошо, что ты её сердцем чувствуешь. В другой раз, выходит, такого не повторится.

— Как вы думаете, Иван Савельевич, скоро сев начнётся? — спросил Набоков. — Весна, смотрите, какая ранняя.

— Оно верно, весна больно ранняя. В такое время редко когда Волга трогается, — ответил Савушкин, — да ты не беспокойся! Без нас с тобой посевную не начнут. Весну свои сроки.

Дождь перестал только к вечеру. Выло сыро и холодно, по небу ползли скучные облака.

Поникие деревья были увешаны тяжёлыми стеклянными бусинками. Стоило прикоснуться к одной ветке, как со всего дерева на землю градом обрушивался ливень. По мокрому тусклому песку прогуливались грачи.

Волга была мрачной, свинцовой. Попрямеем быстрое течение несло лёд. Но теперь всё реже встречались среди обтаивших льдин большие, внушительного вида глыбы.

Ночью снова полил сильный дождь. Упругими струями, точно кнутами, дождь разярённо хлестал по палашу, стараясь пробить непрочную крышу. Вначале сквозь крышу кое-где просачивались редкие крупные капли, потом вдруг сразу, как будто кто-то отвернул вставленные в неё краны, вниз полились ледяные потоки воды.

Продрогшие и мокрые, они сидели на сыром сене, тесно прижавшись друг к другу.

Время тянулось страшно медленно. Иногда казалось, что холод сковывает все суставы, подбирается к самому сердцу. Тягостное молчание, гулкий монотонный шум дождя и непроглядная темень становились совершенно невыносимыми, хотелось что-то сказать, услышать голос сидевшего рядом товарища.

— Иван Савельевич, как вы думаете... который пошёл час? — спрашивал Лёня.

— Светает скоро будет. Ещё недалеко, — отвечал Савушкин. — Часы в кармане, а не посмотрю тришь вот...

Дождь всё лил и лил, и в голову начали заползать нехорошие мысли: «Хватит ли сил перенести всё это?»

Прощай, Середьш!

Утро наступило пасмурное и ветреное. Дождь перестал, но казалось, что вот-вот он забрызжет снова. И хотя по Волге всё ещё шёл лёд, решили плыть.

Приготовления к отплытию проходили в напряжённом молчании.

Вот Савушкин отвязал последнюю верёвку и, схватив шест, стал помогать Набокову и Лёне отталкиваться от берега. Неуклюже развернувшись, плот выплыл, наконец, из бухты.

Брёвна под ногами колебались, между ними стальными полосками светилась вода, и Лёня с тревогой подумал о том, как бы не лопнули самодельные верёвки, и тогда...

Первое время мальчик боялся смотреть по сторонам: среди огромного водного простора плот их казался совсем маленьким.

Савушкин то и дело отдавал распоряжения: — Справа льдина! Проготовься! Смотрите влево!

И тогда Набоков и Лёня, опершись длинными шестами в навдвигавшуюся на них ледяную глыбу, старались оттолкнуть её как можно дальше от плота.

— Взяли! — кричал Иван Савельевич, спеша на помощь трактористу и мальчику.

До середины реки было ещё далеко, а плот уже подхватывало сильное течение и понесло вниз.

Этак наш ледокол и в Куйбышев без спроса умчится, — попытается шутить Набоков.

— Ничего. Если у Жигулёвска не сможем пристать, то уж у Морквашей обязательно, — сказал Савушкин.

— Прощай, Середьш! — проговорил про себя Лёня, в последний раз взглянув на удаляющийся остров. Повернувшись лицом к Жигулёвским горам, он вдруг сорвал с головы заячий малахай и радостно закричал:

— Катер!.. Глядите: катер с нефтепромысла!

Иван Савельевич и Набоков не сразу увидели отделившийся от правого берега катер, выкрашенный в серую краску. Но вот и они заметили катер. Юркий и быстрый, он стремительно пёсся навстречу плоту, огибая большие льдины, и уже скоро можно было разглядеть и алый трепещущий флажок на мачте и чёрный силуэт моториста в рубке.

— Это «Чайка» летит! — радостно засмеялся Лёня.

Мальчик смотрел то на Савушкина, то на Андрея, готовый броситься обнимать этих людей, недавно совсем незнакомых, а теперь таких близких и родных.

ДУБОВЫЙ ЛИСТОК

В. Донникова

Кострами пылают осины,
Приблизился осени срок.
Разглаженный воздухом синим,
Срывается с ветки листок.

Он долго над лесом летает,
Бросая последнюю тень,
Где осень, насквозь золотая,
Кольшет сияющий день.

Раскрылся листок здесь весной,
И каждой прожилкой своей
Хранил он дышанье лесное
И влагу дубовых ветвей.

Он вместе со всеми другими
Боролся с ветрами сухими,
От зноя поля защищал,

И в бурю был стойкой преградой,
И тенью он был и прохладой, —
Все силы он лесу отдал.

Он ляжет на землю спокойно,
Пусть ветер и шепчет: «Держись...»
Он песни о храбрых достоян,
Он тоже, как доблестный воин,
Сражался за новую жизнь!

НЕОБЫКНОВЕННОЕ ОЗЕРО

Рассказ К. Золотовского

Рисунки Ф. Лемкуля

Это было лет десять назад. Далеко от моря, в горах. Казалось бы, что делать водолазам в горах? Но вот портовое начальство снимает нас с корабля и велит срочно лететь.

— Куда? — спрашиваем мы нашего старшину, дядю Мишу.

— В горы, — отвечает он.

Что за странная командировка?! Берём с собой на самолёты водолазное имущество и ещё больше удивляемся: приказано грузить такие большие мотки водолазных рубах, каких мы не брали никогда в море.

— Куда столько?

— Пригодятся, — отвечает нам старшина, — может, ещё и не хватит.

— Да мы что, в водопад полезем?

— Не в водопад, а в такое место, куда не ходил ещё ни один водолаз.

Больше старшина ничего не сказал, и мы сели в самолёты.

Лечу я и думаю: «Куда же мы направляемся? Что это за место такое особенное, в которое мы ещё не спускались?» Водолазы мы бывалые. Сотни пар брезентовых рукавиц стёр я о стальные тросы, ржавое железо и валуны под водой. Не одну тонну морских ракушек, креветок и речных

улиток раздавил свинцовыми подмётками. Двенадцать лет уже работаю водолазом и за эти годы, кажется, немало испытал.

Спускался я, например, в заросшее озеро-болотце возле Старого Петергофа, где надо было найти трубу, проложенную ещё в прошлом столетии. лягушек там было тьма. Они прыгали и кричали возле моего шлема так оглушительно, что я сам чуть не заквакал. Надо мной смыкалась густая туча тины. Я погружался в болото до тех пор, пока не нащупал подмёткой старый железный трубопровод. Застопорил трубу — и меня потянули, сам я вылезти уже не мог. А когда подняли, был я похож на огромную лягушку.

Спускался я однажды в старый заводской колодец с запутанными узкими ходами, который водолазы называли кофейником. Чистил его и чуть в нём не остался.

Ходил и в тёмные отсеки затонувших кораблей, где мог заблудиться, сломать ногу, свалиться в провалы угольных бункеров, разрезать и придавить воздушный шланг в грудях толстого рваного железа. Корабли эти лежали иногда на предельных морских глубинах, где врачи разрешали оставаться только пятнадцать—двадцать минут, а подниматься с грунта приходилось два с половиной часа, чтобы от перемены давления не случилась кессонная болезнь.

Но нигде и никогда ни мне, ни товарищам не требовалось столько водолазных рубах для работы, сколько мы везли теперь. Что же это за место нас ожидало?

И пока я так размышлял, сидя в кабине, самолёт вдруг как ухнет вниз метров на пятьдесят, между каких-то гор, у меня сразу дух захватило, слова выговорить не мог. А стал самолёт подниматься, опять хорошо, даже запел.

Но вот самолёт стал падать на крыло, и я увидел верхушку горы, а на ней стояло торчком что-то вроде стрекозино хвоста.

Мы сели. Навстречу нам бежали люди. Целая делегация нас встретила. Подбежали, подхватили, посадили в легковые машины.

— Давно ждём вас, товарищи,— сказали и повезли.

Вдыхаем мы острый, сладковато-душной воздух и видим похожие на тёмные портовые краны высокие вышки. Стоят они на горах и непрерывно качают нефть. В этих недавно открытых богатейших промыслах нефти было неимоверное количе-

ство. А возле вышек темнели, поблескивая, как гуттаперча, три больших озера. Нефть, которую качали вышки, наполняла их до краёв. Эти необыкновенные озёра назывались просто амбарами. Стоили они миллионы рублей. На горах сустились рабочие, сколачивали огромный трубопровод, по которому нефть должна была побегать на нефтепергонные заводы, во все концы страны. Нефтепровод ещё не достроили, как вдруг в одном из амбаров случилась авария: образовались трещины. Это был самый большой из нефтяных амбаров. Нефть пробила в нём стенку, просочилась и потекла с гор, угрожая сжечь колхозные поля. Мы видели эти поля внизу — тёмно-зелёные квадраты риса и светлозелёные всходы кукурузы. Колхозники боролись с нефтью, преграждали ей на склонах путь камнями и глиной, но это мало помогало.

Нам надо было срочно заделать трещины в большом амбаре. Мы наскоро устроили пристань на его берегу, забили в грунт жерди и положили на них доски. Установили деревянные трапы для спусков.

Надевают наши ребята костюмы, сразу несколько человек собираются на дно идти. Принимаются к незнакомому запаху, шутят, но виду не подают, что впервые лезут в такую жидкость. Тут же стоят начальник промыслов, врач и бригадир центральной вышки, которая идёт первой по добыче нефти. Все трое тревожно смотрят на нас: они знают, что нефть быстро разъедает водолазные костюмы.

Вдруг бригадир всмотрелся в нашего дядю Мишу и весело сказал:

— Эге, да это никак тёзка? Вот так встреча!

Дядя Миша, в свою очередь, узнал старого приятеля. Бригадир тоже звали Михаилом Михайловичем. Фамилия его была Дорощев. Был он такой же высокий, как дядя Миша, только поуже в плечах.

Радостно пожимая друг другу руки, друзья разговорились. Оказывается, познакомились они ещё на Каспии, когда там были найдены подводные месторождения нефти, и вместе закладывали первую нефтяную вышку в открытом море.

О чём дальше беседовали приятели, узнать мне не удалось: я уходил в нефть.

Нефть была густая, жирная. Чтобы погрузиться, приходилось расталкивать её вокруг себя, поворачивать плечами во все стороны, а на дне нефть оказалась жидкой и горячей! Дошёл я до грунта, потравил

золотником воздух, а он не пробивает нефть, только приподнимает её, как резиновый потолок, и качает. Накапливается воздух вокруг шлема, звенит, тесно ему. Будто камешки белые, окружили шлем пузырьки воздуха, перекатываются над головой, нет им выхода. А кругом густая тьма. Нефть со всех сторон заковала меня, давит на грудь, на спину. Тесно, жарко, душно. Запах нефти даже в костюме чувствуется.

Нашупал я во тьме откосую глиняную стенку бассейна и заскользил по ней бок. Ищу пробрину. Сравнительно свободно двигаюсь благодаря заботам дяди Миши. Он там наверху мой шланг-сигнал не задерживает и слабину лишней не даёт, как раз по ходу травит, облегчает мне поиски.

А где-то в стороне от меня во тьме ходит водолаз Никитушкин, тоже ищет.

Нефть съела у меня резиновые прокладки в автоматических клапанах, и они непрерывно травят воздух, даже гудят. На головной золотник теперь не жму, воздух сам собой летит. Слышу, по животу что-то горячее поползло. Это нефть проела где-то рубашку. Шланг тоже будто весь проклеван. А трещины в стене всё не нахожу. Пополз скорей, тороплюсь. Нет трещины! С чем же выйду?! Ведь там, наверху, нефтяники с колхозниками стоят, помощи ждут! Ша-рю по стенке. Руки дрожат, голова кружится от запаха нефти, перехватило горло. И вдруг мою руку потянуло куда-то. Я сразу понял: щель! Сигналю: «Здесь!» Телефона не было, его всё равно бы съело. Сверху ответили на сигнал и спустили парус на железных трубах,— иначе бы он не утонул. Расстелил я его на трещине. Потом мешки мне парусиновые с глиной стали спускать. А я их один возле другого на парусину кладу. Тороплюсь, чтобы успеть, пока нефть костюм окончательно не разъела. А мешки тяжёлые, еле ворочаю. Эх, сейчас я бы их мигом на брезент покидал, да нет у меня лишнего воздуха в костюме! Помню, на Байкале при постройке пристани я легко укладывал под водой в железную корзину такие валуны, что наверху двенадцать сильных мужчин едва выворачивали эту машину из корзины и удивлялись, как я мог один такую тяжесть на дне одолеть. А я воздухом в рубашке поднимал. Обхвачу рубашкой валун, рубашка раздувается до отказа, гляжу, он и отрывается от грунта. Тут я его сразу опрокидываю в

корзину. Только надо не прозевать — в ту же секунду стравить воздух из рубашки, а не то сам улетишь вверх.

Но здесь не Байкал, воздух изо всех дыр летит. Рубашка прилипла к телу, и не то чтобы мешки воздухом поднимать,— для себя его не хватает, бензином дышу.

Рук и ног не чувствовал я, когда тридцать мешков на парусину уложил. И тут мне дали сигнал: «Выходи!» Наверно, у других водолазов рубашки съело, их подняли и решили, что необходимо меня спасти. Дёрнули за верёвку и потянули кверху. А у меня осталось ещё два мешка, не уложенных на парусину. Нефть бьёт под край брезента, того и гляди, размоет трещину, вся работа пойдёт насмарку. Я сигналю: «Подождите!» А меня тянут. Унёсся я ногами в грунт изо всех сил, чтобы не съёрнули с места, упал на мешок с глиной, обхватил его и швырнул на брезент. Хотел тут же за последний мешок ухватиться, но меня так стиснули сигнальной верёвкой, что даже рубашка в тело врезалась.

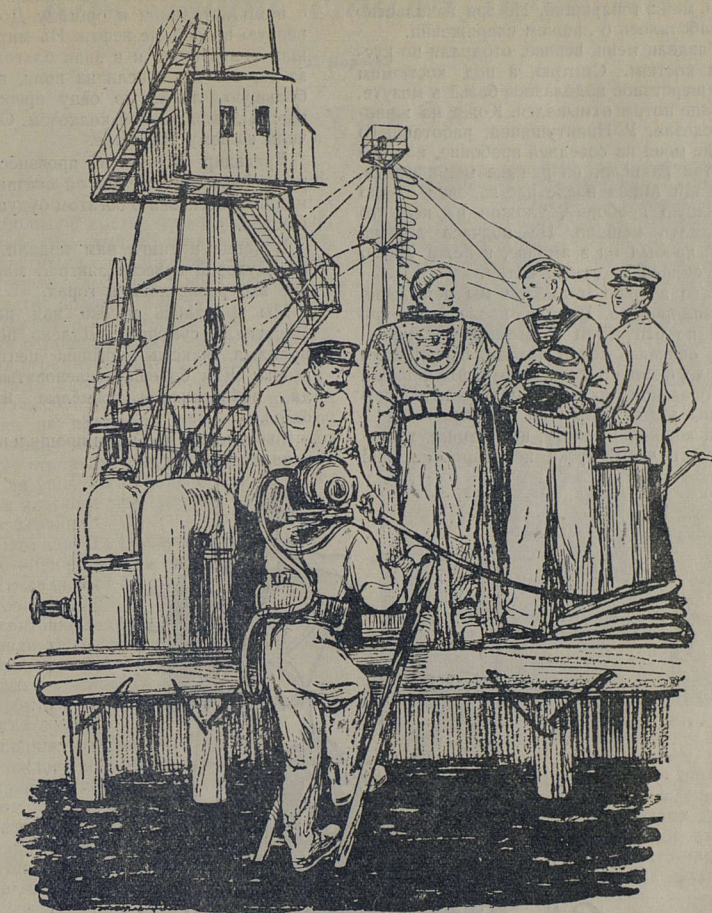
Сигналю: «Подождите!» А мне отвечают: «Выходи немедленно!»

Так и остался бы этот мешок неуложенным, да вспомнил я похожий случай из практики, когда тоже, как теперь, приказали мне выходить немедленно наверх, не доверяя моим силам.

Было это на Неве. В реке сломался водопровод. А работать там мог не всякий водолаз: бешеное течение сшибало с ног. Двое моих товарищей чуть не погибли. Первый зашёл выше повреждённого водопровода, и течение ударило его о железный стояк, а шланг заклинило под площадку. Едва спасли водолаза. Пришлось обрезать шланг и сигнал. Другой водолаз пошёл снизу, против течения. Его сшибло и выбросило наверх. Я тоже зашёл снизу. Течение гнало мне навстречу мелкие камешки, и они барабанили в грудную манжину, поток гудел у шлема, сердце у меня колотилось, тело покрывалось испариной, будто в бане. Я медленно подвигался, сантиметр за сантиметром, по обкатанному грунту. Сверху уже дважды сигналили: «Немедленно выходи!» Но я дополз. Я точно рассчитал силы, и водопровод был починен.

Так и теперь я был уверен в себе. Сразмаху выдернул я тугую верёвку из рук товарищей, иначе меня бы перерезало пополам сигналом, и рванулся к мешку.

Надевают наши ребята водолазные костюмы, сразу несколько человек собираются на дно идти.

Поднял его и швырнул на брезент. Не помню уже, как меня наверх поднимали. Чувствовал только, будто головой пробиваю тугую резиновую стену. Но мне было весело: работа выполнена.

Подняли меня наверх, а я ничего не вижу: весь облеплен нефтью. Воздух мне продолжают качать, чтобы я не задохся. Наконец протёрли иллюминатор, и я увидел перед собой гору тряпок. Товарищи

хватают эти тряпки, обтирают меня со всех сторон. А потом стали сухой глиной обкатывать: водой бесполезно. А на мне всё разлезается. До рукава рубахи чуть дотронулись, он и отвалился. Шланг полез, как тесто, стальная проволока спиралью вылезла из него, как пружина из старого дивана. Калоши тоже съела нефть, остались одни свинцовые подошвы да медные шурупы с деревянны-

ми стельками. То же осталось и от костюмов моих товарищей. Не зря начальство позаботилось о лишнем снаряжении.

Раздели меня, вернее, отодрали по кускам костюм. Смотрю, а под костюмом всё шерстяное водолазное бельё в мазуте. В бане потом отмывался. Кожа на животе слезла. У Никитушкина, работавшего возле меня на соседней пробойне, костюм не так разъело, он раньше меня вышел. А дядя Миша после нас заделал самую большую пробойну, уложив на неё сто двадцать мешков. На полчаса дольше всех пробыл он в амбаре, и кожа у него облупилась до самых пяток.

Зато аварию в амбаре мы полностью ликвидировали. Правда, после этого нас ещё не отпустили с промыслов. Дирекция, опасаясь новой аварии, продержала нас до окончания укладки нефтепровода. Но опасения оказались напрасными, пробойны мы заделали на совесть.

За хорошую работу, на митинге, устроеном в честь пуска нефтепровода, нас

наградили ценными подарками. Вместе с нами наградили и бригаду Дорофеева, первую по добыче нефти. На митинг пришли колхозники и в знак благодарности за то, что мы спасли их поля, подарили большую лохматую овцу превосходной породы, выращенной колхозом. Овцу вручили нашему старшине.

Бригадир Дорофеев произнёс целую речь, поблагодарил нас за оказанную помощь и рассказал о богатом будущем промыслов.

В конце митинга нам подали самолёты. Духовой оркестр заиграл марш, гулкое эхо разнеслось в горах.

Мы поднялись высоко над посёлком. Наступали сумерки. Далеко под нами проплыл знакомый огонёк центральной вышки. Как большие зеленоватые зеркала, поблескивали тяжёлые нефтяные озёра.

Мы сделали над ними прощальный круг и полетели к морю.

Как звери стали друими

А. Дорохов

Джульба

Недавно я был свидетелем необыкновенной встречи.

По большой клетке бегал волк. Серый, угрюмый, лохматый. Никому не захотелось бы встретиться один на один с этим сильным зверем в лесу или в поле.

К клетке подошла девочка.

— Джульба! — шепнула она.

Волк остановился, подбежал к решётке, открыл огромную пасть, в которой блеснули острые клыки, и... жалобно заскулил по-собачьи. Он повизгивал до тех пор, пока девочка не просунула свою маленькую руку между железными прутьями решётки и не стала ласково трепать страшного зверя за уши. Тогда волк успокоился, лёг на пол клетки и тихо лежал, не спуская глаз с хозяйки.

— Это наш Джульба, — сказала мне девочка. — Он родился и вырос здесь, и я его воспитывала. Вот он и привязался ко мне, как собака.

Воспитание и другие условия жизни переделали характер хищника, ослабили и изменили его инстинкты. Джульба уже не относится к человеку, как к врагу. Он ведёт себя совсем иначе, чем те волки, что выросли в лесу.

Западные учёные считают, что поведение каждого животного зависит только от его прирождённых инстинктов. Они утверждают, что эти инстинкты передаются по наследству и что их нельзя изменить.

Великий русский учёный Иван Петрович Павлов доказал, что привычки и поведение животных зависят от условий, в ко-

Вот как встречает волк Джульба юную натуралистку Наташу Лямину.

торых они воспитываются, и от опыта, который накопили прежние поколения этих животных. Если с самых первых дней постепенно и последовательно изменять образ жизни животного, то его инстинкты и свойства понемногу станут другими.

Звериный «детский сад»

В Московском зоопарке есть большая площадка, обнесённая оградой. Вокруг ограды всегда толпится народ, слышен смех. Это площадка молодняка. Здесь воспитываются вместе разные зверята, которые родились в зоопарке.

Кого только тут не увидишь! Медвежата белые, медвежата бурые, медвежата

чёрные, лисята, барсучата, щенята дикой австралийской собаки «динго», маленькие еноты и даже самый обыкновенный фокстерьер. Настоящий звериный «детский сад»!

Я пришёл в зоопарк в июльский полдень. Было очень жарко. Все обитатели площадки дремали на солнце. Но шустро-

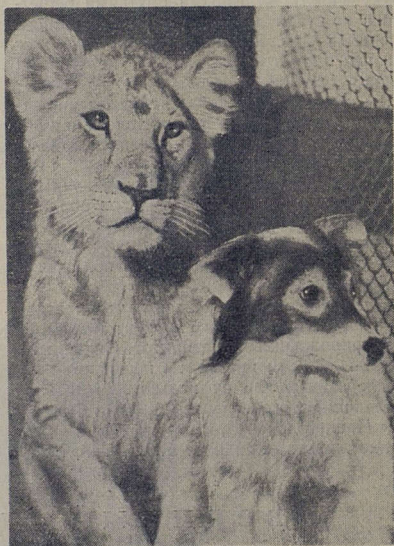

С друзьями он готов куда угодно, но уж больно вода холодна!

му, непоседливому лисёнку не спалось. Он подобрался к толстому белому медвежонку и цапнул его за лапу. Тот хотел шлёпнуть задиру, но лисёнок увернулся, а белый медвежонок упал на бурого, тот огрызнулся, и они стали возиться. Затем лисёнок подбежал к енотам и расшевелил их. Так он поднял на ноги всю площадку. А когда все разбуженные бросились на неугомонного лисёнка, чтобы проучить его как следует, лисёнок сел у ограды, высунул язык и прикинулся таким измученным и несчастным, что никто уже не решился на него нападать.

Тем временем у медвежат началась своя игра. Белый медвежонок залёг в бассейн и стал с наслаждением плескаться в воде. А бурый бегал вокруг бассейна и, перегнувшись через край, норовил вытащить приятеля на берег. Белому не понравилось, что ему мешают купаться. Он выскочил из воды и погнался за бурым. Но тот — лесной житель. Он мигом вскарабкался на дерево. А белый по деревьям лазить не умеет. Он махнул лапой, вернулся в бассейн и стал барахтаться там с фокстерьером, который тоже решил купаться.

Не хотелось отходить от площадки, где так весело и дружно резвились зверята. Ни один из них не опасался соседа, потому что все они выросли вместе. А ведь в природных условиях их сверстники живут в постоянном страхе, как бы на них не напал голодный и более сильный зверь, и

Неразлучные друзья Чандр и Тобик.

сами смолodu учатся охотиться на более слабых, чтобы добыть себе пищу.

Здесь же человек создал для диких животных с самого рождения такие условия, в которых нет борьбы за существование.

И вот у животных появился другой жизненный опыт, и характер их изменился.

Тигрица Сиротка родилась в зоопарке в 1938 году. Она рано потеряла мать и воспитывалась в зверином «детском саду» — на площадке молодняка. Люди, с которыми она сталкивалась, относились к ней ласково. Она привыкла получать от них

пищу. И постепенно в ней ослабел тот инстинктивный страх перед человеком, который она унаследовала от своих диких предков. Когда её бывшая воспитательница входит в клетку, Сиротка лижет ей руки и лапится к ней, как огромная кошка.

В другой клетке живут вместе лев Чандр и собака Тобик.

Чандр и Тобик

Чандра привезли в Московский зоопарк совсем маленьким львёнком. Ему было очень скучно одному. Он грустно сидел в своей клетке и даже плохо ел.

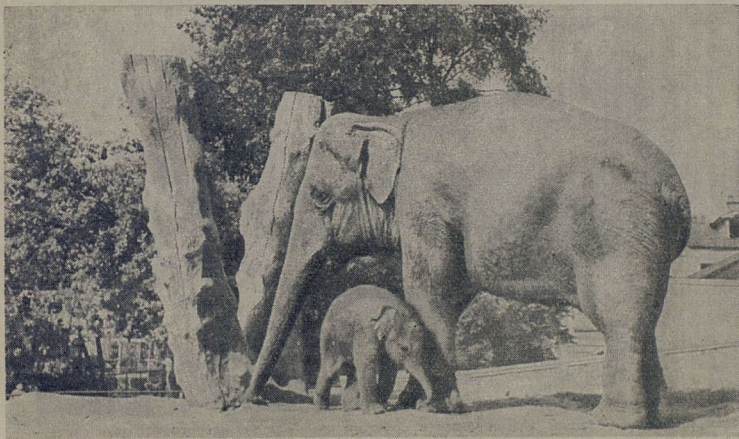
Тогда к Чандру привели щенка Тобика. Сперва львёнок недоверчиво поглядывал на нового соседа. Когда добродушный Тобик подбежал к нему и ткнул его носом, Чандр злобно зашипел и выгнул спину. Но Тобик не испугался. Он весело бегал по клетке, словно приглашая львёнка поиграть с ним.

Так они начали жить вместе. Вскоре львёнок и щенок подружились.

Теперь Чандр вырос. Но он попрежнему неразлучен с Тобиком. Дикий зверь и домашнее животное живут рядом и не враждуют друг с другом.

Да и зачем им ссориться? Никто их не травит, а еды у обоих достаточно. Иной раз принесут Тобику пищу, Чандр заглянет в миску, потрогает из любопытства лапой: «А что у тебя, приятель, там вкусного?» — но увидит суп с варёным мясом и отойдёт. Сейчас и ему принесут мясо, но только сырое. А это куда вкуснее!

Много удивительного можно увидеть в Московском зоопарке, если поближе познакомиться с его обитателями. Вооружённые мичуринской наукой о перелке природы и павловским учением о физиологических законах, работники зоопарка добиваются таких необыкновенных результатов, которые прежде показались бы чудесами.

Слониха Молли и её маленький сын, которого назвали Москвичом.

Почему белеют зайцы

Все вы, наверно, знаете, что в лесу и в поле летом все зайцы серые, а зимой — белые. В зоопарке же можно в любое время года увидеть и серых и белых зайцев. Как этого здесь достигли?

Сначала надо было узнать, почему зайцы белеют? Может быть, это происходит от холода? Часть зайчат перевели с осени в тёплое помещение. Но настала зима, и они побелели так же, как и те, что оставались на морозе.

Тогда вспомнили, что зимой дни становятся короче, а небо часто покрыто тучами. Не белеют ли зайцы потому, что света становится меньше? Догадка оказалась правильной. Когда несколько зайцев перевели летом в затемнённое помещение, они постепенно побелели. А те зайцы, которые прожили лето и зиму в ярко освещённой комнате, оставались серыми круглый год.

Так выяснилось, что цвет шерсти зайца зависит от условий, в которых он живёт. Снова подтвердилось, что, изменяя

условия жизни, можно переделывать не только поведение, но и организм животного.

Вот, скажем, в природных условиях медведи на зиму забираются в берлоги и спят, не просыпаясь, несколько месяцев подряд, до самой весны. Забираются на зиму спать в свои норки ежи, суслики и сурки. Погружаются в зимнюю спячку змеи, ужи, ящерицы, черепахи.

Почему же школьники, которые приходят в зоопарк в дни новогодних каникул, видят здесь и разгуливающих по клетке медведей, и бегающих за провололочной решёткой ежей и сусликов, и ползающих в террариуме ужей, ящериц и черепах? Почему же никто из этих животных не залёг в спячку?

Да потому, что им не надо беречь свои силы. Ни холод, ни голод им не угрожают. В клетках всегда достаточно тепла, света и пищи. Зимняя спячка стала ненужной, и организм животных постепенно приспособился к новым условиям.

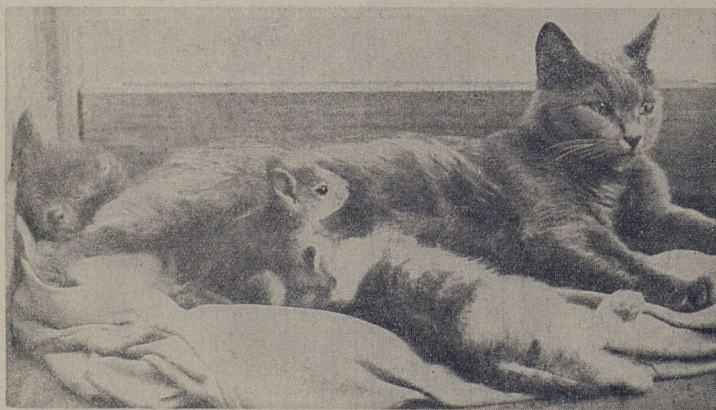
Как у лебедей переменялся календарь

А вот что произошло в зоопарке с чёрными австралийскими лебедами.

Про этих лебедей в каталоге немецкого

зоологического сада во Франкфурте напечатано:

«Австралийские чёрные лебеди несут

Большое семейство у кошки Мурки. Вместе со своим котёнком она воспитывает двух сирот — бельчонка и енотика.

Этот маленький бегемотик родился нынешним летом. Его зовут Лотос. Кожа у него ещё розовая и мягкая, совсем не такая, как у взрослых бегемотов.

яйца только в ноябре—декабре. Самка лебедя не начинает их высидывать, пока не снесёт четырёх—пяти яиц. А так как это время года в Германии холодное, то обычно все яйца, кроме последнего, успевают замёрзнуть. Поэтому у австралийских лебедей в нашем саду никогда не выводится больше одного птенца в год».

Я посмотрел отчёт Московского зоопарка и увидел, что в Москве, где гораздо холоднее, чем во Франкфурте, чёрные лебеди благополучно выводят по пяти лебедят. Как же это случилось?

Дело в том, что в Австралии лето бывает тогда, когда в Европе стоит зима. Самые тёплые месяцы там — ноябрь и декабрь. Поэтому тамошние лебеди при-

выкли из рода в род нести яйца именно в это время. И пока попавших в Москву чёрных лебедей переводили на зиму в закрытое помещение, условия их жизни не менялись, и они вели себя так же, как на родине. Тогда попробовали оставлять чёрных лебедей зимовать на пруду вместе с белыми. И что же? Постепенно их организм перестроился. Они приспособились к нашему климату, перестали класть яйца зимой и стали нести летом, как все птицы Северного полушария.

Этот опыт подтвердил, что можно переделывать за короткий срок инстинкт, который выработывался у лебедей в течение многих тысяч лет.

Перелётные птицы зимуют в Москве

Задумались в зоопарке и над тем, почему большинство наших птиц на зиму улетает? Почему домашние утки и гуси спокойно зимуют дома, а дикие должны совершать каждый год далёкие путешествия?

Западные учёные считают, что у всех перелётных птиц есть особый, необъяснимый инстинкт, заставляющий их осенью подниматься с тех мест, где они провели лето, и улетать в дальние тёплые страны.

Оказалось, что этот инстинкт легко объяснить. Птицы улетают потому, что зимой у нас озёра и реки покрываются льдом, а

земля — снегом. Птицы не могут добывать себе пищу. И вот из поколения в поколение у них выработывался инстинкт: как только начинаются холода, грозящие голодом, они улетают на юг.

В Московском зоопарке и лебеди, и гуси, и утки круглый год живут под открытым небом. Крылья у них не подрезаны, но осенью никто из них и не думает улетать. Их кормушки каждый день доверху наполнены пищей. Зачем же им пускаться в далёкий и опасный путь на юг? Они превосходно чувствуют себя и в Москве.

Как-то вечером, проходя по зоопарку, я увидел, как над моей головой быстро прочертили небо несколько диких уток.

— Смотрите! — воскликнул я. — Улетают!

Но служительница, охраняющая птичий пруд, рассказала мне, что её крылатые питомцы не улетают далеко. За несколько лет они уже привыкли к месту, где им всегда обеспечена пища. Их не соблазняют даже дикие утки, которые иной раз спускаются на пруд зоопарка. Здешние утки совершают утром и вечером воздушные прогулки, но всегда возвращаются к своим гнёздам.

Так в зоопарке перелётные птицы стали оседлыми, а дикие утки приобрели привычки домашних.

Великий преобразователь природы Иван Владимирович Мичурин показал, как можно переделывать растения. Но чтобы добиться успеха, говорил Мичурин, надо «учиться у самой природы». Надо внимательно и терпеливо изучать, как влияют на свойства растений различные условия их жизни. Человек может переделывать не только растения, но и животных. Эта важная работа ведётся у нас в научных институтах, совхозах и колхозах, где уже выведены лучшие в мире породы коров, лошадей и овец.

Ведётся эта работа и в Московском зоопарке. Следуя заветам Мичурина, здесь тщательно наблюдают за животными, изучают их поведение и свойства и учатся их изменять.

ТАЕЖНАЯ РЕКА

П. Штыгашев

С вершины белого Тыхсыла,
Где облаков клубится дым,
Ты вниз дорогу проложило,
Огнём сверкая голубым.

Не по лугам, не по полянам,
Течёшь прозрачна и тиха,
Струишь ты воды к Абакану
Там, где тайга шумит глуха,

Где птиц стоит многоголосье,
Где белки по стволам снуют
И где, кусты раздвинув, лоси,
Роняя капли, воду пьют,

Где всякий зверь живёт без страха
В прохладном сумраке лесном,
Где старый, буйный кедр с размаха
Роняет шишки в водоём

И где, топча ковёр хрустящий
Черники, сладкой словно мёд,
Медведь, из тёмной выйдя чаши,
Сопит и ягоды сосёт.

...Река течёт, журча лениво,
Она мелеет в летний день,
Переплетая корнями, ива
Рябую образует тень.

Здесь место выбери любое.
Засни, и крепко будет сон.
Опавшей прошлогодней хвоей
Сомлевший воздух напоён.

Пчела поёт над иван-чаем,
Под ёлкой прячутся грибы,—
А мы лежим, не замечаем,
Устав от утренней косыбы.

И на пришельцев смотрит зорко,
От любопытства осмелев,
Вертя головою, тетёрка,
На сучья пихты пересев.

Вдруг под водою вспыхнут искры,
И ты увидишь в глубине,
Как хариус от выдры быстрой
Пугливо спрятался на дне.

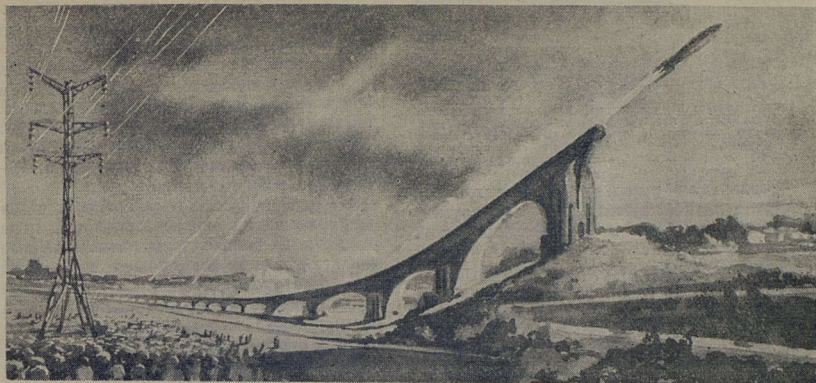
...Но край лесной теперь изучен —
В тайге дороги пролегли,
На берегах речных излучин
Мы золотой песок нашли.

Зимой из колхозов ближних
По насту первому придут
К реке охотники на лыжах,—
Они здесь хитрых белок бьют.

Река моя, не широка ты,
Спокойно лоно чистых вод...
Народ, счастливый и богатый,
На берегах твоих живёт.

Перевела с хакасского
Т. Стрешнева

ПОКОРЕНИЕ ВСЕЛЕННОЙ

Б. Ляпунов

Рисунки Н. Кольчицкого

ЗНАМЕНИТЫЙ ДЕЯТЕЛЬ НАУКИ

В Калуге в загородном саду стоит высокий обелиск. На нём написано:

«Человечество не останется вечно на земле, но, в погоне за светом и пространством, сначала робко проникнет за пределы атмосферы, а затем завоюет себе всё около-солнечное пространство».

Это памятник Константину Эдуардовичу Циолковскому. И слова на памятнике принадлежат ему.

Циолковский прожил большую жизнь. С юных лет он упорно учился, стремясь узнать как можно больше.

Он изобретал, строил модели, делал опыты. Он писал научные статьи и научно-фантастические повести. И всё, что он делал, было направлено к одной цели — одолеть земное притяжение и сделать человека хозяином вселенной, а не только родной планеты — Земли.

Об этом давно мечтали люди. Они в мечтах переносились на другие планеты, путешествовали в межзвёздных просторах. Но до Циолковского это были только мечты, а он превратил мечту в науку.

Он первым открыл путь человеку в безграничные просторы вселенной. Это было тогда, когда человек ещё только начинал покорение воздуха.

Циолковский большую часть своей жизни прожил в Калуге. Он никогда не летал, очень редко куда-нибудь ездил.

И в то же время он совершал удивительные путешествия. Он побывал на Луне и на маленьких планетках-астероидах, он путешествовал вокруг Солнца, он облетал вокруг Земли.

Это были мысленные путешествия, мечты, но мечты, которым суждено осуществиться. «Человеком реальной мечты» был Циолковский.

Он создал научные основы межпланетных путешествий. Его работы стали фундаментом ракетной техники. Блестяще оправдалось его предвидение того, что вслед за веком самолётов винтовых наступит век самолётов реактивных.

Труды Циолковского получили всенародное признание. Знаменитым деятелем науки назвал его товарищ Сталин.

ПОБЕДА НАД ТЯЖЕСТЬЮ

Циолковскому было шестнадцать лет, когда он решил, что сделал великое открытие.

Всё на Земле удерживает сила тяжести. Она заставляет падать брошенный камень. Невидимой цепью приковывает она к Земле и человека, который хотел бы оторваться от родной планеты и посетить другие миры.

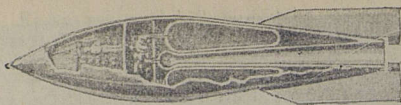

Схема ракеты Циолковского. Впереди помещается пассажирский салон. За ней — помещение для жидкого топлива и двигатель. Топливо сгорает в камере, и газы вырываются наружу через длинную, расширяющуюся к концу трубу.

Можно ли разорвать цепи тяжести? Можно ли побывать на Луне, на других планетах, унести в беспредельные просторы вселенной?

Юноша думал, что нашёл способ победить тяжесть и решил задачу межпланетных путешествий.

— Меня мучил такой вопрос, — вспоминал он об этом потом, — нельзя ли применить центробежную силу для того, чтобы подняться за атмосферу, в небесные пространства? И я придумал такую машину! Центробежная сила, возникающая при колебании маятников с шариками на концах, должна была подымать кабину и нести её в небесное пространство! Придумав такую машину, я был в восторге от своего изобретения, не мог усидеть на месте и был так взволнован, даже потрясён, что не спал целую ночь — бродил по Москве и всё думал о великих следствиях моего открытия. Но, увы, дорогой уже понял, что заблуждаюсь: от работы маятников произойдёт трясение машины, и только!

Однако недолгий восторг был так силен, что я всю жизнь видел этот прибор во сне; я поднимался на нём к звёздам с величайшим очарованием...

Прошло несколько лет.

Циолковский упорно продолжал думать над тем, как победить тяжесть.

— Мысль о сообщении с мировым пространством не оставляла меня никогда, — говорил он.

Это она заставила его заниматься наукой. Циолковский понимал, что решение задачи, которую он поставил перед собой, требует знаний. И он занимался математикой, физикой, астрономией, химией; писал, вычислял, ставил опыты, строил модели...

В 1895 году Циолковский выпустил книжку под названием «Грёзы о Земле и небе».

Циолковский рассказывает в своей книжке о враге, которого надо победить, — о тяжести. Всюду ли она одина-

кова? Нет: на разных планетах она разная, потому что сила тяжести зависит от массы небесного тела.

На Луне, например, сила тяжести в шесть раз меньше, чем у нас: человек там почувствовал бы себя в шесть раз легче. Циолковский мысленно уносится в этот лунный мир и в фантастической повести «На Луне» описывает, что пережил бы человек, попавший на Луну.

В своих «Грёзах» он переносится на астероиды — маленькие планетки, где тяжесть настолько мала, что малейшее движение унесло бы человека, как воздух на Земле уносит пушинку. Есть и такие астероиды, на которых достаточно хорошего прыжка, чтобы улететь в межпланетное пространство.

А что если бы на Земле вдруг исчезла тяжесть? Люди, животные, мебель в доме, вода рек и морей — всё улетело бы, и воздух улетучился бы. Всё живое на Земле погибло бы.

Значит, тяжесть не только враг, она и друг. Её нельзя уничтожить, но с ней можно бороться, её можно преодолевать.

Ракета летит в межпланетном пространстве.

Как же бороться с тяжестью? Может быть, для полёта в мировое пространство пригоден воздушный шар? Циолковский подсчитывает, на какую высоту сможет подняться шар и каких он должен быть размеров. Шар нужен громадный, а высота его полёта очень невелика. Нет, воздушный шар не годится для этой цели.

Нельзя ли полететь вместо шара в пучечном ядре, как это сделали герои романа Жюль Верна «Из пушки на Луну»? Циолковский делает расчёт: если даже пушка будет чудовищной длины — 300 метров, — то толчок при выстреле всё же будет настолько силен, что ни люди, ни приборы его не выдержат.

Чем быстрее двигается снаряд, тем выше или дальше он полетит. Если он достигнет скорости 8 километров в секунду, он станет спутником Земли, её маленькой Луной. Если скорость будет ещё больше — от 11,2 до 16,5 километра в секунду, — то снаряд превратится в маленькую планетку, спутника Солнца. Его можно заставить тогда попасть на Луну, облететь вокруг неё или Марса, залететь на Венеру или совершить какой-либо другой полёт в солнечной системе.

Но пушка для межпланетного полёта не годится. Скорость нужно получить другим способом — так, чтобы она нарастала постепенно, а не в ничтожную долю секунды, как в пушке. Тогда путешественникам не будет угрожать гибель при отлёте.

— Но как её получить? Вот вопрос, который всю жизнь меня мучил, — вспоминал Циолковский позднее. — И только в 1896 году мне удалось найти ответ на этот вопрос.

Нужную скорость можно получить с помощью ракеты — вот ответ, который дал Циолковский.

Струя газов, вытекающая из ракеты, толкает её вперёд. Ракета постепенно набирает скорость. Её полётом можно управлять.

Циолковский представляет себе, как должен выглядеть небесный корабль-ракета. Удлиненный корпус, похожий на вытянутую каплю. В передней его части — каюта для пассажиров, с приборами, аппаратами для дыхания и всем необходимым для жизни людей. Жидкое топливо накачивается насосами в камеру, где оно сгорает, а газы вырываются наружу через длинную, расширяющуюся к концу

Двигатель кончил работать, и для пассажиров ракеты тяжесть исчезла.

трубу. На пути газов, поблизости от выходного конца трубы, стоит руль, которым можно отклонять газовую струю и поворачивать ракету.

Таков ракетный корабль — победитель тяжести. Взору Циолковского рисуются картины будущих полётов.

Он снова берётся за перо, снова мечтает. Но его мечта теперь реальна, потому что он нашёл наконец способ победить тяжесть.

ВНЕ ЗЕМЛИ

Представим себе, что межпланетная ракета уже построена, испытана и отправляется в первый космический рейс.

Когда заработал двигатель ракеты и она оторвалась от Земли, путешественники почувствовали, что они сильно отяжелели. Это произошло потому, что скорость ракеты непрерывно меняется, возрастает; возникает ускорение, которое воспринимается нами как усиленная тяжесть.

Подобное отяжеление переносит и лётчик, который на большой скорости делает фигуру высшего пилотажа или выходит из пикирования. У него кружится голова, в глазах темнеет.

Как же спастись от усиленной тяжести?

Циолковский нашёл выход. Его подсказала сама природа. Чтобы предохранить, например, цыплёнка в яйце, она окружает его жидкостью. Жидкость предохраняет от толчков, от усиленной тяжести.

— Поэтому надо, — говорил Циолковский, — поместить пассажира ракеты в предохранительный костюм с жидкостью, в которой человек легче перенесёт ускорение.

...Ракета, постепенно ускоряя своё движение, достигла скорости 8 километров в секунду — в несколько раз больше скорости артиллерийского снаряда. Двигатель кончил работать, наступила мёртвая тишина, и... тяжесть исчезла!

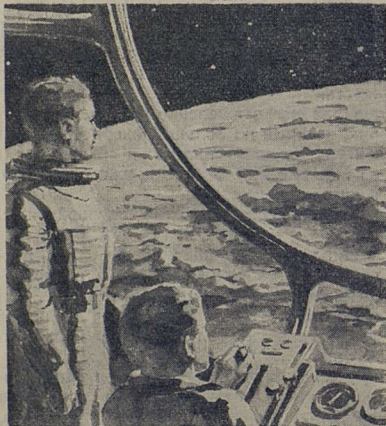
Пассажиры, выйдя из своих предохранительных костюмов — гидроамортизаторов, — летают в кабине. Все не прикреплённые к стенкам кабины предметы висят в воздухе. Вода не льётся из опрокинутой бутылки, а когда её вытряхнут, водяные шары плывут в разные стороны.

Нет веса, вещи не дают на опору. Нет «верха» и «низа»: там, где голова, там верх, где ноги — низ; когда люди поворачиваются, им кажется, что «верх» и «низ» тоже меняются. Вот видна из окна Земля: она сверху, когда пассажиры ракеты обращены к ней головой, и «уплывает» вниз, когда они обращены к ней ногами.

Почему же, как будто в награду за то, что перенесённую усиленную тяжесть, она исчезла совсем?

Конечно, вес остался прежним, и потеря его лишь кажущаяся.

Когда двигатель перестаёт работать, на ракету действует только притяжение ближайшего к ней небесного тела. Она как бы падает под действием этого притяжения. Вместе с ракетой падает и всё, что в ней находится. Упавший со стола предмет повиснет в воздухе. Он не может упасть на пол кабины, потому что

Ракета приближается к Луне.

двигается с той же скоростью, с которой летит ракета в мировом пространстве. Кажется, что тяжесть исчезла.

Цюлковский так отчётливо и ясно рисует картину будущего полёта, как будто он сам летит на ракете:

«Открываем наружные ставни всех окон и смотрим через толстые стёкла... Мы как бы внутри мячика, состоящего из двух разноцветных половин. Одна половина — чёрная, со звёздами и Солнцем; другая — желтоватая, со множеством ярких и тёмных пятен и с обширными, не столь яркими пространствами. Это Земля, с которой мы только что простились. Она... кажется нам вогнутой, как круглая чаша, во внутренность которой мы смотрим...»

Ракета облетает вокруг Земли, и пассажиры видят, как пронесится под ними гигантская рельефная карта, окутанная пеленой облаков.

Затем, путив в ход двигатели, ракета направляется к Луне.

...Луна стала расти, быстро приближаясь. Отчётливо вырисовываются её цирки, кратеры, ущелья... Путешественники видят невидимую с Земли половину Луны, ведь Луна всегда обращена к нам одной стороной, потому что поворачивается вокруг своей оси в такое же время, в какое делает оборот вокруг Земли.

Ракета тормозит скорость и постепенно опускается на лунную поверхность.

В скафандрах — костюмах, не пропускающих воздуха, — люди ступают на Луну. Бесчисленное множество немигающих звёзд сверкающим бисером рассыпано на чёрном небосводе. Из-за зубчатых гор брызнули первые лучи ослепительно яркого Солнца, всё кругом заблестало.

В каюте ракеты появились коллекции лунных минералов, образцы почвы... Это принесли путешественники из своих походов по Луне.

Вдур на мёртвой поверхности Луны сверкнул яркий огонёк, затряслась почва вокруг. Это упал метеорит, который при ударе расплавился и испарился, за сверкав, как маленькое солнце. Быть может, и лунные кратеры образовались благодаря падению крупных метеоритов, от которых Луна, не имеющая атмосферы, беззащитна.

Солнце всё сильнее нагревает скалы. Наступил двухнедельный лунный «день». Пора отправляться дальше.

Ракета побывала в поясе астероидов,

Межпланетные путешественники на Луне.

приблизилась к Марсу и направилась обратно к Земле.

Так мечтал Циолковский. Книга, в которой он высказал свои заветные мысли о будущих ракетных полётах, называется «Вне Земли».

ОСТРОВ ВО ВСЕЛЕННОЙ

«Стать ногой на почву астероидов, поднять рукой камень с Луны, устроить движущиеся станции в эфирном пространстве, наблюдать Марс на расстояниях нескольких десятков километров, спуститься на его спутники или даже на самую его поверхность, — что, повидимому, может быть фантастичнее! Однако только с момента применения реактивных приборов начнётся новая великая эра в астрономии: эпоха более пристального изучения неба», — говорил Циолковский.

Устроить движущиеся станции в эфирном пространстве... Что это за станции, зачем они нужны?

Астрономические обсерватории строятся высоко в горах: там воздух меньше мешает наблюдениям. Теперь представьте себе, что обсерваторию удалось поднять выше самой высокой горы — за атмосферу, туда, где ничто не мешает наблюдать и фотографировать небесные светила. В этой обсерватории можно было бы установить сильный телескоп. Как много дало бы это астрономам! Как много тайн вселенной открылось бы человеку!

Такую обсерваторию можно было бы устроить на искусственном спутнике Земли.

Представьте себе, что ракеты поднимаются с Земли и достигают «круговой» скорости в 8 километров в секунду, при которой они становятся спутниками Земли, двигаясь вокруг неё по кругу. Они несут с собой детали, из которых потом собирается станция.

Они доставляют телескоп, приборы, фотоаппараты, разборные жилища для людей — всё необходимое для жизни и работы на маленькой заатмосферной станции.

Олеты в скафандры люди собирают станцию — маленький искусственный островок во вселенной.

Они строят дом для жителей острова. Этот небесный дом вовсе не похож на наши земные. Он не пропускает наружу воздуха. В нём двойные двери с простенком — шлюзом; прежде чем выйти из дома, шлюз закрывают и откачивают оттуда воздух. Как трюм корабля или подводная лодка, он разделён перегородками на отсеки: если в одном случится утечка воздуха, остальные не пострадают. В нём большие окна с кварцевыми стёклами, через которые льётся яркий солнечный свет. Солнце здесь никогда не заслоняется облаками. В доме есть оранжерея, где растут овощи и фрукты. И, как заправская Луна, станция облетает вокруг Земли, вращаясь в то же время вокруг своей оси; при вращении возникает ускоре-

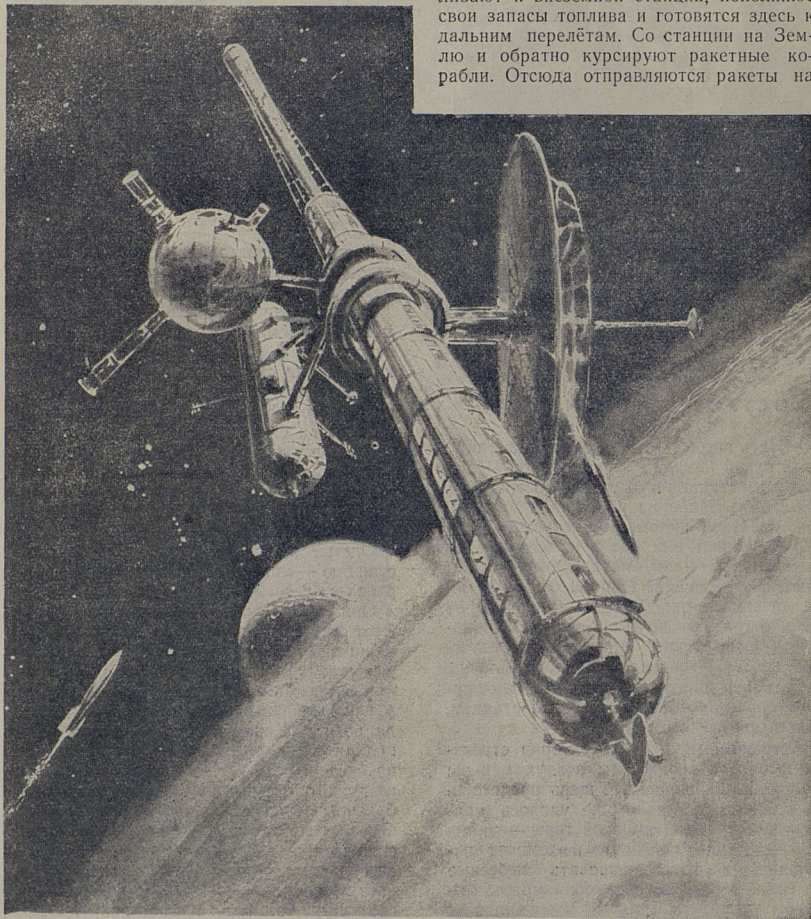
ние, а значит, и искусственная тяжесть, которую можно менять по желанию, меняя скорость вращения.

Тяжесть, хотя бы и не такая большая, как на Земле, всё же нужна жителям острова, потому что надоёдет всё время плавать в воздухе. Хочется привычной, «земной» обстановки. Любую тяжесть

можно создать, ускоряя или замедляя вращение станции.

Ничто не мешает здесь астрономам: ни воздух — его ведь нет, — ни пыль, ни туман, ни облака — их тоже не бывает здесь.

Станция будет служить «вокзалом» для межпланетных кораблей, улетающих с Земли и космические рейсы. Они причаливают к внеземной станции, пополняют свои запасы топлива и готовятся здесь к дальним перелётам. Со станции на Землю и обратно курсируют ракетные корабли. Отсюда отправляются ракеты на

Искусственный спутник Земли — внеземная станция. Справа — ракетодром для ракет; в центре жилое помещение с оранжереей (сзади) и солнечными двигателями (вперед); слева сверху — обсерватория.

Луну, на охоту за астероидами, на поиски нового, неизведанного в другие миры.

Таков остров во вселенной, о котором мечтал Циолковский и который будет создан человеком. Передовая советская наука и техника осуществит смелые идеи учёного.

ЗАВОЕВАНИЕ МЕЖПЛАНЕТНЫХ ПРОСТРАНСТВ

Земля получает только незначительную часть всей солнечной энергии. Вся энергия Солнца в 2,2 миллиарда раз более энергии, получаемой Землёй. Вот какими сокровищами может завладеть человек, если сумеет обосноваться в небесном пространстве.

Овладеть энергией Солнца, просторами вселенной — эту задачу поставил Циолковский.

Его смелая мечта казалась раньше многим беспочвенной фантазией. Циолковского считали сумасбродным чудаком, фантазёром, смеялись над ним. Но в нашей Советской стране осуществляются самые смелые мечты человека: мы передельваем природу, овладеваем могущественной атомной энергией, строим умные машины, облегчающие наш труд...

И мы верим, что смелые мечты учёного о покорении вселенной тоже будут нами осуществлены.

Как же представлял себе Циолковский завоевание межпланетных пространств?

— Сначала, — говорил он, — будут полёты за атмосферой, потом мы построим спутник Земли — взлетающую станцию. За ней последует другая, третья... И в ми-

ровом пространстве возникнут целые «города». В этих городах всё делает неисчерпаемая энергия Солнца. Это она даёт свет, тепло, она вырабатывает чудесные плоды в наших оранжереях, двигает наши корабли и машины.

За этой энергией не нужно идти: она всюду. Она может плавить металлы, если собрать солнечные лучи в пучок. Но тут же рядом, в тени, — мертвящий холод межпланетного пространства. Вот, например, простейшая тепловая машина: под действием солнечных лучей легко кипящая жидкость быстро превращается в пар, а пар — это работник в паровой турбине; отработал он — и попадает в тень, на холод, где снова обращается в жидкость. И так без конца работает на нас Солнце. Солнце может работать и в других солнечных машинах.

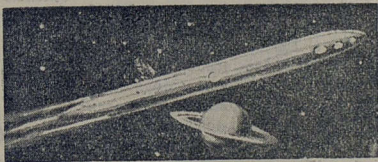
Мы заставим работать на нас Солнце, чтобы познакомиться поближе с членами его семьи — планетами; чтобы совершать далёкие рейсы в другие миры; чтобы познать мир, окружающий нас.

— Невозможное сегодня станет возможным завтра, — говорил Циолковский.

И эти его слова перекликаются со словами нашего великого писателя Алексея Максимовича Горького:

«Всё на земле создано напряжением нашей воли, нашей фантазии, нашего разума. Необходимо, чтобы человек вынул самому себе: я всё могу. Не нужно бояться дерзости или безумства в области труда и созидания...»

«Невозможное сегодня станет возможным завтра...» Человек покорит вселенную. Будущее за нами, за свободными, созидательными советскими людьми.

ЦЕМЕНТ марки М

Подземные воды — злейший враг метростроителей. Чтобы тоннель был прочным и сухим, строители заковывают его в металлическую броню, а швы между отдельными частями этой брони тщательно заделывают свинцом.

Много дорогого свинца уходит на зачеканку, как называют метростроители эту работу, а главное — свинцовая пыль, образующаяся при чеканке, очень вредна для здоровья рабочих.

Давно уже стремились инженеры подыскать свинцу какую-либо замену. Перепробовали сотни различных материалов. Но тщетно! Одни вода размывает; другие не держатся в щели: выбивает их отсюда вода, словно старую, засохшую замазку. Наконец инженеры пришли к такому выводу: лучше всего подошёл бы для зачеканки цемент. Но только такой, который чуть-чуть расширится бы, «подходил» бы в щели, как тесто в опаре.

А как изобрести дрожжи, способные «поднять» не тесто, а камень?

Советским учёным В. Михайлову, Б. Скрамтаеву и З. Юдовичу удалось создать такие волшебные дрожжи.

Для этого они использовали извечного врага цемента, так называемую «цементную бактерию» — особые кристаллики, растущие в цементе, когда он находится в во-

де, содержащей серные соединения.

Кристаллики эти, забравшись в плотину или другое сооружение, быстро размножаются там, как настоящие бактерии, расширяясь, разрывают цементное тело — и сооружение гибнет.

Изобретатели нарочно «заразили» свой цемент «бактерией», но так, чтобы кристаллики не разрушали цемент, а только чуть-чуть распирали его во все стороны.

Опыты блестяще удались, и теперь по воле советских инженеров злейший враг цемента покорно служит в новом материале, цементе «М», пришедшем на смену дорогому и вредному свинцу.

Г. Остроумов

ДВУХЭТАЖНОЕ МОРЕ

Вода Чёрного моря на глубине свыше двухсот метров представляет собой царство застоя и смерти: в ней невозможна жизнь, так как она заражена сероводородом.

Учёные много и ожесточённо спорили о причинах этого явления.

— Когда-то на месте Чёрного моря было огромное пресное озеро, — утверждали одни. — Но однажды солёные воды Средиземного моря прорвали Босфорский перешеек и превратили глубины огромного водоёма в гигантское кладбище, заражённое гниющими остатками водорослей и рыб.

— Глубины Чёрного моря всегда были царством смерти, — возражала другая группа учёных. — Сероводород проникает в морскую воду из далёких подземных глубин сквозь трещины в дне...

Но ни те, ни другие учёные не могли объяснить, почему в верхних слоях моря так много рыбы и морских животных, почему не гибнут они от ядовитого сероводорода.

Понадобилось немало лет, чтобы разрешить все эти вопросы. Учёные установили, что на месте Чёрного моря находится два моря — одно над другим. Более солёное, заражённое сероводородом, лежит внизу. Но оно совсем не мёртвое, его жители исчисляются миллиардами миллиардов. Население его состоит из бактерий, поглощающих кислород и выделяющих сероводород.

Второе, менее солёное море неглубокое: глубина его всего около двухсот метров. Оно образовано реками, впадающими в Чёрное море, и поэтому гораздо менее солоно. Разная солёность и не позволяет смешиваться этим морям.

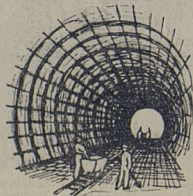
Избыток воды верхнего моря вытекает через Босфор на юг. Но откуда же пополняется глубинное море? Не связано ли оно с солёным Средиземным морем?

Эту загадку разрешил знаменитый русский учёный адмирал Макаров. Он открыл второе течение в Босфоре. Оказалось, что глубоко внизу холодные и солёные воды Средиземного моря текут на север.

К. Андреев

МОРСКОЙ ЛУК

Прибрежные пески Средиземного моря часто бывают покрыты густыми зарослями высокого, красиво цветущего растения, которое называют морским лу-

ком. Но это растение совсем не состоит в родстве с обычным луком. Называют его так потому, что оно имеет крупную луковицу, достигающую трёх килограммов.

В огромных луковицах содержится смертельный яд, убивающий крыс, мышей и многих других грызунов и почти совершенно безвредный для человека и домашних животных и птиц.

Это — очень ценное качество, потому что все ядовитые вещества, которые обычно применяют для уничтожения грызунов

(соли мышьяка, стрихнин, ядовитые газы), опасны также и для других животных и людей и могут быть причиной несчастных случаев.

В нашей стране дикий морской лук не растёт. Но советские учёные привезли его луковицы с берегов Средиземного моря и начали успешно культивировать на побережье Чёрного моря.

В. Н. Ворошилов,
научный сотрудник Главного
ботанического сада Академии наук СССР

необыкновенная наседка

Каждому из вас, ребята, наверно, приходилось наблюдать хлопотливую наседку с цыплятами. Обычно в этой семье бывает двенадцать — пятнадцать цыплят. Больше курица не может высиживать. Наседка тратит $1\frac{1}{2}$ — 2 месяца на высиживание яиц и уход за подрастающим своим потомством. В это время она совсем не несёт яиц, птицеводческое хозяйство теряет около четырёх десятков яиц на каждой курице.

Но есть другая, замечательная наседка, которая высиживает не пятнадцать, а тысячи цыплят, — инкубатор. Советский инженер Б. К. Горецкий усовершенствовал этот аппарат для искусственного выведения цыплят.

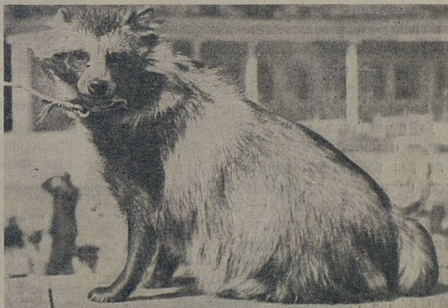
В новом инкубаторе всё делают электрические автоматы. Тридцать девять тысяч яиц обогрываются, а если надо, охлаждаются, обдуваются свежим, увлажнённым воздухом и поворачиваются без участия человека.

Инкубатор-автомат сам следит и за тем, чтобы не происходило никаких неполадок. А если и случится что-нибудь, он сам устранил нарушение. Если человек, управляющий инкубатором, окажется расстроенным, звонок напомнит ему об упущении. Когда будущим цыплятам, скрытым в скорлупках, грозит серьёзная опасность, инкубатор

поднимает тревогу и звонит — зовёт человека на помощь.

Новый электрический инкубатор за лето может вывести сто тысяч цыплят, он заменяет шесть тысяч наседок, которые за это время снесут более двухсот тысяч яиц.

Огромную пользу приносит социалистическому сельскому хозяйству это замечательное изобретение Б. К. Горецкого, удостоенное Сталинской премии.

Этот пушистый зверёк — енотовидная собака — водился раньше у нас только на реке Амуре в Уссурийской тайге. Тёмный, с серебристым отливом, пушистый мех этого зверька ценится очень дорого.

Лет пять назад несколько пар енотовидных собак совершили путешествие на самолёте, который приземлился очень далеко от их родины — в плавнях Ставропольского края. Зверьки расселились парами вблизи рек и водоёмов, прекрасно чувствуют себя на новом месте и размножаются. Ставропольские охотники совсем не удивляются теперь, когда встречают в плавнях невиданных зверьков с драгоценным пушистым мехом.

КАК

*выглядит наша
земля со стороны?*

Многие из вас, ребята, видели фотографии и рисунки комет. Это такие небесные тела, за которыми по небу тянется длинный светящийся хвост.

Всё совсем недавно сотрудники советской астрономической обсерватории близ Алма-Аты открыли, что такой же хвост есть и у Земли. Верхние слои воздуха, облетающего земной шар, под давлением солнечных лучей обтекают Землю и вытягиваются в длинный шлейф, который постепенно расширяется. Астрономам, которые наблюдали бы нашу Землю с дальних звёзд, она представлялась бы в виде хвостатой кометы.

А. Дорохов

КАМНИ, УПАВШИЕ С НЕБА

Д. Алексеев

В одном из музеев Академии наук лежит на пьедестале распиленная пополам глыба. По виду в ней нет ничего примечательного. Так, глыба как глыба — бурая, покрытая ржавыми бороздками. Разве только то, что она слишком тяжела для своего размера: её не сдвинуть с места и десять ребят. Эта небольшая глыба весит почти сорок два пуда!

На пьедестале табличка: «Палласово железо».

Почему же так заботливо хранят это железо и почему его так назвали?

Потому, что оно попало к нам особенным путём. Это железо залетело на Землю из межпланетного пространства. А привёз его в Академию наук учёный Пётр Симонович Паллас.

Двестя лет назад академик Паллас путешествовал по Сибири. Проводник татарин Якуб рассказал ему, что во дворе у кузнеца Якова Медведева из деревни Убейской лежит огромный камень, который он нашёл на высокой горе на берегу Енисея. По преданиям, этот камень упал в давние времена с неба.

Паллас отправил необычную находку в Петербург. Там учёные исследовали глыбу и доказали, что железо, из которого она состоит, отличается от всех известных нам горных пород и не могло образоваться в земных условиях.

Так впервые в истории науки был найден и изучен крупный метеорит.

В межпланетном пространстве веками носятся обломки когда-то распавшихся небесных тел. Часть из них залетает и в нашу атмосферу. Но большинство этих обломков на Землю так и не попадает. Быстрота, с которой они падают, настолько велика, что воздух вокруг них раскаляется до нескольких тысяч градусов. В этой температуре обломки превращаются в газ.

Вы не раз наблюдали, конечно, как в звёздную ночь на небе вдруг прочеркнётся яркая белая линия. «Звезда упала!» — скажет кто-нибудь. Но звёзды не падают: они находятся слишком далеко от Земли и движутся по своим путям. Это где-то высоко над нами вспыхнул залетевший в атмосферу обломок планеты.

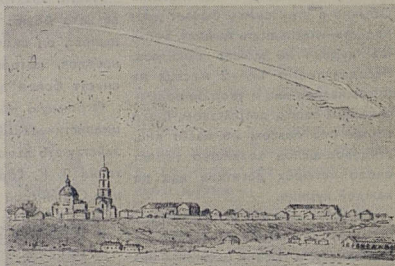
Однако иногда эти обломки бывают так велики, что не успевают пепинком распастаться в воздухе. Осколки их долетают до Земли. Такие упавшие на землю частицы небесных тел и называются метеоритами.

21 января 1946 года жители Первомайского района, Одесской области, были поражены необычайным явлением. Около семи часов вечера, ко-

гда уже смерклось, неожиданно послышался гул, словно приближались тяжёлые самолёты. Всё вокруг внезапно осветилось, будто вспыхнула молния небывалой силы. По покрытому облаками небу несся огненный шар. Он излучал яркий свет, слепивший глаза. Затем раздался оглушительный грохот взрыва. Земля вздрогнула, окна и двери раскрылись, как при артиллерийском обстреле... Это пролетел большой метеорит.

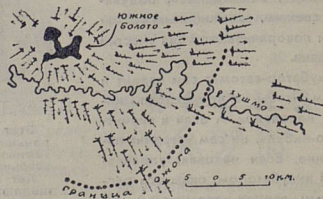
В ту ночь над Первомайским районом выпал настоящий каменный дождь. Колхозники села Крымка потом часто находили возле своих домов и в поле чёрные, обгоревые камни, упавшие с неба. Они собрали эти камни и отправили их в Академию наук.

Какую же ценность для науки имеют эти чёрные камни?

Метеорит над городом Оханском (1899 год).

Метеориты помогают нам познать тот мир, который лежит за пределами Земли. Мы ещё не имеем пока возможности отправлять туда научные экспедиции. Ещё не построен самолёт, который смог бы долететь до самой ближней звезды

Карта того места, где упал тунгусский метеорит.

или даже планеты. Мы можем только наблюдать небесные тела при помощи астрономических приборов.

И вдруг на столе учёного оказывается самый настоящий кусочек планеты, которая находилась когда-то за миллионы километров от Земли. Смотри, исследуй, изучай!

Изучая метеориты, учёные убедились, что все осколки небесных тел состоят из тех же самых химических элементов, из каких сложены и наши земные породы. Но нигде на Земле не найдёшь таких огромных кристаллов железа, по десять — двенадцать пудов весом, какие встречаются в метеоритах. Они могли вырасти только в определённых условиях. Так учёные узнают, какие условия были на исчезнувшей планете.

Да и самое падение метеоритов даёт много очень важных наблюдений. Ведь самый быстрый реактивный самолёт пролетает немногим больше тысячи километров в час. А метеориты пронесутся через атмосферу со скоростью в семьдесят — восемьдесят тысяч километров в час! Изучая метеориты, учёные узнают, как влияет на твёрдое тело такая невероятная скорость движения.

Метеориты рассказывают учёным не только о себе, но и о верхних слоях атмосферы, через которые они пролетают. Ни один стратостат ещё не подымался на высоту ста километров, а метеориты там побывали!

Обычно Земли достигают лишь небольшие обломки метеоритов. Падение крупных небесных тел случается раз в несколько тысяч лет. За всю историю науки самый большой метеорит упал 30 июня 1908 года в пустынной Енисейской тайге, в бассейне реки Подкаменная Тунгуска.

Метеорит с такой силой ударился о землю, что грохот взрыва был слышен на тысячи километров и сейсмические станции всей Европы отметили колебание почвы. За семьсот вёрст от места падения метеорита, возле города Канска, земля задрожала так сильно, что машинист остановил поезд. Он решил, что паровоз сошёл с рельсов.

Советский учёный Л. А. Кулик занялся изучением района этой небывалой катастрофы. Путь к месту падения метеорита ему указывала сама природа. На десятки километров лежали поваленные воздушной волной вековые деревья. Их ветви обуглились от пламени взрыва.

Но хотя, по подсчётам учёных, тунгусский метеорит весил несколько тысяч тонн, остатков его найти не удалось. Новизному, взрыв при падении метеорита был так силен, что весь метеорит обратился в раскалённый газ.

Самый большой «железный дождь» вынал

Падение метеорита в Новосибирской области 29 мая 1936 года.

12 февраля 1947 года на Дальнем Востоке, в районе горного хребта Сихотэ-Алинь.

Стояло тихое, морозное утро. На безоблачном небе сияло солнце. И вдруг рабочие на лесозаготовках заметили, что от высоких сосен упали вторые тени, словно взошло ещё одно солнце. Тени быстро скользили по снегу.

Взглянув на небо, рабочие увидели, что над ними пронесится ослепительно яркий огненный шар, рассыпающийся искры. Некоторые разглядели, что от шара отделяются огненные частицы, падающие вниз. Позади тянулась, как хвост, разноцветная тёмная полоса.

Через несколько минут шар скрылся за сопками, оставив надолго в небе широкую ленту дыма.

Вскоре послышались сильные удары, грохот и гул. В окрестных селениях задрожали стены домов, забрежжало стёкла в окнах, из щелей вываливались горячие дрова. Лошади и коровы в страшном испуге срывались с привязи и металась по дворам. Собаки с визгом забивались куда понало.

Немедленно в район падения этого огромного метеорита выехали научные экспедиции, и началась погоня осколков. Оказалось, что метеорит упал на землю настоящим «железным дождём».

Крупные осколки, весом до ста килограммов, образовали при падении десятки воронок, напоминающих следы бомбёжки. Мелкие осколки рассыпались по тайге, усеяв площадь в несколько километров.

Учёные подсчитали, что всего в этот день на Землю упало около ста тонн железных осколков. Найдены ещё далеко не все осколки. Поэтому весь район падения сихотэ-алинского метеорита объявлен заповедником на пять лет и передан Академии наук для организации дальнейших поисков.

Больше всего метеоритов падает на территорию Советского Союза. Это и не удивительно: ведь наша Родина занимает шестую часть суши. И больше всего сделали для изучения этих небесных тел советские учёные. Коллекция камней, упавших с неба, собранная Комитетом по метеоритам Академии наук СССР, насчитывает уже много тысяч образцов метеоритов. Мы имеем больше двадцати семи тонн вещества распавшихся небесных тел.

Советские школьники помогают учёным разыскивать метеориты. В сентябре 1935 года ученик 3-го класса села Николаевки, в Восточном Казахстане, увидел, как с неба скатился огнен-

ный шар. Мальчик побежал к месту падения и вырыл из земли ещё тёплый обломок весом больше четырёх килограммов. Свою находку он принёс в правление колхоза. Оттуда она попала в редакцию местной газеты, а затем её отправили в Академию наук.

Через три года один из школьников села Жовтневый хутор, Сталинской области, нашёл большой метеорит, который весил девятнадцать килограммов, и сохранил его, пока в село не приехала экспедиция Академии наук, узнавшая о падении «каменного дождя». В июле 1949 года несколько метеоритов нашёл около Челябинска школьник Миша Соболев.

Эти ребята сделали большое дело для науки. За год на Землю падает до тысячи метеоритов, но находить из них всего пять — шесть. Вы теперь понимаете, как дорог учёным каждый, даже самый маленький осколок, как много может он рассказать о мире, лежащем за миллионы километров от Земли.

Чем больше метеоритов будут иметь наши учёные, тем быстрее и успешнее смогут они разгадывать тайны вселенной и обогащать нашу науку новыми открытиями.

Дорогие ребята!

Ежегодно то в одном, то в другом месте нашей необъятной Родины наблюдаются падения метеоритов. Падают они всегда внезапно. Нельзя заранее предсказать, где упадёт метеорит, и заблаговременно подготовиться к наблюдению явлений, сопровождающих его. Между тем тщательное описание каждого такого явления имеет большое значение для науки. Кроме того не всегда удаётся быстро найти упавший метеорит, даже если его падение и наблюдалось.

В поисках упавших метеоритов учёным помогает местное население, очевидцы присылают подробные описания наблюдавшихся ими явлений. Активное участие в этом деле нередко принимают и школьники, которыми не раз были найдены и переданы в Комитет по метеоритам Академии наук СССР упавшие метеориты. Многие школьники состоят постоянными корреспондентами-наблюдателями Комитета по метеоритам.

Мы обращаемся к вам, юные друзья, с просьбой ещё более активно помочь учёным в сборе метеоритов и в наблюдениях за их падениями. Всем, кто пожелает серьёзно принять участие в этой работе, Комитет может выслать бесплатно специальную инструкцию. С запросами нужно обращаться по адресу: Москва, 127, ул. Осипенко, д. 52, Комитету по метеоритам. Для оплаты пересылки инструкции нужно приложить почтовую марку в 45 копеек.

Мы ждём, ребята, вашей помощи.

Е. Л. Кривов,
учёный секретарь Комитета
по метеоритам Академии наук СССР

НАД БЕЗДНОЙ

Рассказ А. Шахова

Рисунки В. Цельмера

Всеякие приключения бывают в путешествиях. Однажды в горах Средней Азии произошёл случай, едва не стоивший мне жизни. О нём я и расскажу.

После двухдневного пребывания на большом высокогорном озере Искандер-Куль мы, навьючив своих ослов, тронулись в путь. Мы собирали травы для борьбы с вредоносными насекомыми. Лет десять тому назад для борьбы с вредителями сельского хозяйства у нас применяли лишь порошок из цветов белой или красной ромашки, полатыни — пиретрума. Пиретрум хорошо уничтожает вредителей овощных культур, плодовых деревьев, амбарных вредителей и паразитов домашних животных и птиц. Но запасов его у нас было мало. Нужно было искать другие растения, которые могли бы заменить ромашку. Этим и занималась наша экспедиция.

Работа шла успешно. Мы собрали много трав и самые ценные положили в непромокаемый клеёнчатый мешок. Анна Николаевна — мой помощник — глаз не сводила с этого мешка и часто, проводя по нему рукой, с удовлетворением говорила:

— Теперь мы стали богатенькими.

А погонщики Пётр Петрович и Василий особенно бережно и крепко вьючили этот мешок на ослицу.

В Искандер-Куль впадают три реки, а вытекает одна — Искандер-Дарья. Озеро это очень глубокое и тянется в длину на пять километров. Со

Я обматываю верёвку вокруг ладони, и меня тянут вверх.

всех сторон его окружают склоны высоких гор, совсем близко белеют снежные вершины. Вода в озере до того прозрачна, что на пятиметровой глубине виден каждый камешек.

Выскочив из озера, Искандер-Дарья с рёвом падает в пропасть и устремляется по глубокому дикому ущелью к далёкому Зеравшану.

Страшная это река: водопад следует за водопадом, бешеные валы догоняют друг друга, вода клокочет, кипит, пенится и так ревет, что невозможно разговаривать. По склонам ущелья громоздятся скалы, по ним вьётся над рекой тропа.

Мы шли и опасливо поглядывали вниз, на воду.

Наш караван приближался к Фан-Дарье, в которую впадает Искандер-Дарья. По описаниям, тропа дальше должна была идти по карнизам над бездной, и где-то впереди на скале находилась арабская надпись: «Будь осторожен, как слезинка на веке, здесь от жизни до смерти один шаг».

— Если тут так страшно, то что же нас ждёт впереди? — сказала Анна Николаевна.

Мы шли уже несколько часов. Вокруг громоздились сухие горы — бурые, жёлтые, серые, оранжевые, розовые, диаловые. И среди них вилась яркоглубая, в белой пене Искандер-Дарья.

На закате солнца две горы впереди сделались сиреневыми, а у третьей, у которой вершина была как будто срезана, по склонам спускались красные полосы, похожие на потоки крови.

Я внимательно рассматривал эти необыкновенные горы. Анна Николаевна воскликнула:

— Смотрите, на той стороне заросли трагакантовых астрагалов! Обязательно надо накопать их корней! Только доберёмся ли?

Мы перешли ущелье по мостику и поднялись метров на двести. Тут тропа раздвигалась: одна, торная, шла вверх, в сторону от астрагалов, другая, очень узкая, на которой не было ни одного свежего следа, направлялась, повисая над бездной, к астрагалам.

— Пойдём? — спросил я, не решаясь сам направить караван по этой страшной тропе.

— Раз дорога есть, значит, пойдём. Да она к тому же прямее верхней и выходит как раз на площадку. Там можно и заночевать, — сказал Пётр Петрович.

— А что, если пойти по той тропе, где все ходят, наверху переночевать, а утром попытаться найти астрагалы? — предложил я.

— Знаю я, чем это кончится, — заволновалась Анна Николаевна. — Стоянки близко не найдём, а утром не захочется спускаться сюда: вы скажете, что бедные ишаки всю ночь были без травы, что надо спешить, — и мы останемся без астрагалов. Тропа неплохая. Ручаясь, что мы пройдем.

Мы пошли по опасной тропе. Она вилась по отвесной скале над грохочущими водопадами. Смотреть вниз было страшно. В одном месте мы, поправляя выюки, зашмыкались. Анна Николаевна, спеша к астрагалам, обогнала караван и скрылась за утёсом.

Мои опасения были напрасными: дорога всё же оказалась спусной. Но в одном месте — как раз на подъёме — ручёк, сбегавший с обрыва, размыл тропу. Я остановился: если не поддерживать животных, может случиться несчастье. Справа над тропой возвышалась скала, слева вылетала покатыя, пиричная в два метра площадка, обрывающаяся в грохочущую пропасть. Чтобы

помочь ослам в этом опасном месте, я сошёл с тропы на площадку.

Впереди каравана карабкалась ослица. Вот она поровнялась со мной, наклоняет голову, облохивая каждый камень, осторожно ставит переднюю ногу. Придерживая вьюк, я чуть-чуть прижимаю ослицу к скале. Она ступает на край промоины, в поисках опоры болтает в воздухе задней ногой, потом осторожно опускает её на мокрый камень. Бопыто скользит... животное теряет равновесие, толкает меня... Я падаю навзничь, ослица валится на меня.

Ступни моих ног у тропы, голова над бездной. Подбородок трётся о клейчатый мешок. Колочные лучи солнца, наполнину спрятавшегося за гребень горы, бьют прямо в глаза. Голова ниже ног, к ней приливает кровь, сильно стучит в висках. Мы вместе с ослицей потихоньку скользим вниз. Я раскидываю в стороны руки.

«Всё кончено!» — проносится в голове. И вдруг пальцы правой руки натываются на камень, цепляются за него. Мне удаётся задержаться. Появляется надежда на спасение.

Мне видно, как Василий бежит вперёд, но, вместо того чтобы броситься ко мне, почему-то берёт осла Серого за уши, прижимает его к стене и смотрит на меня широко открытыми глазами.

Пётр Петрович проскальзывает мимо Василия и подбегает к месту катастрофы. Он бледен. Глаза его быстро перебегают с ослицы на вьюк, с вьюка на меня — он соображает, как мне помочь.

Если ослица забарахтается или попытается подняться, всё пропало: мои пальцы не сдержат тяжести, и мы неудержимо полетим в пропасть. Но животное смотрит на меня умными, расширенными от страха глазами и не думает шевелиться, словно понимая, что каждое неосторожное движение приведёт нас к гибели.

Клейчатый мешок накатывается мне на лицо, придавливает голову и, того гляди, заставит меня потерять и без того неустойчивое положение.

Это быстро понял Пётр Петрович. Став одним коленом на тропу и ухватившись левой рукой за камень, он нагнулся и острым локтем несколько раз провёл по верёвкам, которыми мешок был привязан к седлу. Старательно оберегаемый нами

мешок с самыми ценными образцами перекатился через моё лицо и рухнул в пропасть. Теперь мне можно было поднять голову и грудь, если бы... если бы кто-нибудь подал руку, но до меня не дотянуться...

— Верёвку! — кричит Пётр Петрович Василию. — Чего же ты стоишь? Не видишь, что делается?!

— Держу Серого, как бы и он не упал.

— Чёрт с ним, с Серым! Верёвку скорее! Протяни руку к правому вьюку. Возьми под чайником. Да скорее!

Мои пальцы онемели, я не могу больше держаться и начинаю тихо скользить вниз. Но тут в мою грудь ударяется копец верёвки. Я обматываю её вокруг левой ладони и чувствую, как меня тянут вверх. Я поднимаюсь, но не могу сделать ни шагу: дрожат ноги.

На верёвках вытащили и ослицу. От испуга она словно окаменела, и даже на тропе, в безопасном месте, потребовалось много усилий, чтобы поставить её на ноги.

Я отдышался, пришёл в себя, и караван наш снова двинулся вперёд, туда, где на скале написано: «Здесь от жизни до смерти один шаг».

— Где вы так долго задержались? — спросила Анна Николаевна, когда мы нагнали её. В руках у неё были астрагалы.

— Несчастье случилось, — светил виноватым голосом Пётр Петрович.

Она быстро и тревожно опустила взглядом вьюки:

— А мешок где?

— Тут дело было такое, что не до мешка. Вы знаете...

Анна Николаевна не дала ему договорить.

— Где мешок? — спросила она опять.

Я наклонил голову. Пётр Петрович, избегая взгляда Анны Николаевны, глухо ответил:

— Там! — и махнул рукой в сторону бездны.

Моя помощница без слов круто повернулась и быстро пошла вперёд. За поворотом, думая, что мы её не видим, она остановилась и прижалась лбом к скале.

И только утром мы рассказали Анне Николаевне о том, как я висел над бездной.

наша ПОЧТА

Наше звено

Началось всё это ещё зимой, во время новогодних каникул. Я возвращалась из Москвы с ёлки. В электричке было много народу. Напротив меня сидели мальчик и девочка. В руках они держали небольшие книжки в зелёных обложках. «Загадки дедушки Мороза», — прочитала я название.

Ребята с увлечением решали напечатанные в книжках задачи и отгадывали загадки. Мне тоже стало интересно, и я принялась отгадывать вместе с ними. Девочка рассказала, что они были на ёлке в Московском городском доме пионеров, там ей и её брату дали эти книжки.

— Игротека Дома пионеров проводит конкурс, — прибавил мальчик. — Кто отгадает больше всех задач, получит премию.

Поезд подходил к моей станции. Я собиралась выходить. Вдруг девочка сказала брату:

— Давай подарим Руфе книжку. Ведь у нас две, нам с тобой и одной хватит.

Мальчик согласился и отдал мне свою книжку.

На следующий день я показала «Загадки дедушки Мороза» ребятам из своего звена, и мы решили все вместе участвовать в конкурсе. Скоро я отвезла в Дом пионеров наши ответы. Нас похвалили за правильные отгадки и хо-

рошие рисунки. А когда конкурс окончился, все мы получили премии.

Потом мы участвовали в другом конкурсе — «Подумай, сделай, отгадай». Я стала часто бывать в Доме пионеров, познакомилась там со многими ребятами.

Однажды я узнала, что в Доме пионеров есть клуб юных мастеров. Я отвезла в Дом пионеров свою вышивку, и меня приняли в клуб юных мастеров. Но мне хотелось, чтобы не только я, а все ребята из нашего звена научились мастерить. Я привезла из Дома пионеров несколько книжек «Сделай сам». В них рассказывалось, как изготовить поделки для школы, для пионерской комнаты, для малышей. И мы принялись за работу.

Вова Хлиманов делал пеналы, Лида Кучвальская начала мастерить азбуку для первоклассников, другие девочки занялись рукоделием.

Каждую неделю я ездила в Дом пионеров. Там я училась мастерить наглядные пособия, школьные принадлежности, модели, а потом на сборе звена я объясняла

Руфа Кондратьева показала ребятам, как надо переплестать книги.

и показывала, как всё это делается, своим товарищам. Конечно, одной мне не удалось бы научить всех ребят. Но звено у нас дружное, и у меня скоро появилось много помощников. Вместе со мной на консультации стали ездить Володя Хлиманов, Юра Вышинков, Наташа Петрова.

Уезжая в город, мы всегда спрашивали у ребят, чем бы им хотелось заняться, о чём нам надо расспросить в Доме пионеров. Как-то нас попросили:

— Узнайте, как переплетать книги.

Вскоре у нас в школе стал работать переплётный кружок. Сначала работа у нас шла медленно. Я показывала, как сшивается книга, как прикрепляется к ней обложка, приклеивается корешок, а ребята следили за моей работой. Но скоро они научились всё делать сами, а когда Воло-

дя Хлиманов построил три переплётных станка, у нас пошла работа, почти как в настоящей мастерской.

Несколько месяцев существует наш кружок юных мастеров. Много полезных вещей смастерили за это время ребята: указки, учебные таблицы, детекторные приёмники, настольные игры, модели, проекционный фонарь, кукольный театр. Наши самоделки были на выставке в Московском городском доме пионеров, и нас премировали набором слесарных инструментов.

В новом учебном году в нашем кружке будет заниматься ещё больше ребят, и мы смастерим много нужных школе самоделок.

Руфа Кондратьева.

Посёлок Удельное, Московской области.

Дружок

Один раз я увидел в огороде стаю собак. Они гонялись за каким-то зверьком. Сначала я думал, что собаки гоняют кролика, но потом я увидел, что это зайчонок.

Серенький ком прыгал прямо ко мне. Одна собака была уже совсем близко от зверька. Я бросился на помощь. Бедный зайка так перепугался, что даже не стал вырываться из моих рук. На лапках у него были комья грязи, видно, это помешало ему убежать от собак.

Я принёс зайчика домой и дал ему капусты и моркови. Он ничего не ел. Долго зайчонок дичился и прятался от всех, а потом привык. Теперь он всё хорошо ест.

И если зайка взбирается на стул, все знают: серый хочет кушать.

Моя маленькая сестра Валя целыми днями играет с зайчиком. Они вместе прыгают и бегают. Сестрёнка дала ему имя Дружок. Целый день слышен её звонкий голос: «Дружок, иди прыгать!», «Дружок, есть хочешь?».

Когда я спросил Валу, почему она дала зайке имя Дружок, она ответила:

— Потому что он друг моего детства.

Женя Кротенко.

Село Емиловка, Одесской области.

Как мы наблюдали за мухоловкой

Это было в лагере. С дерева около дома, где спали мальчики, упало гнёздышко с двумя совсем маленькими птенчиками

мухоловки. Наверное, его ночью снесло ветром.

Ребята подобрали птенчиков и принесли их в живой уголок. Птенчики громко кричали: просили есть, — а мы не знали, как и чем их кормить.

Вдруг прилетела большая мухоловка. Мы догадались, что это мухоловка-мать, потому что она не отлетала от окна, из

которого слышался писк птенцов. Тогда мы положили гнездо с птенчиками в клетку и повесили её на сосну, а дверцу клетки оставили открытой.

Было очень интересно наблюдать, как мухоловка-мать кормила своих детей. Мы подсчитали, что за пять минут она прилетала шесть раз и каждый раз приносила

мошку или гусеницу и совала их в клювы птенцов. Так она летала целый час; мы уже устали следить за ней, а она всё работала.

Вот как трудно птицам выращивать своих детей.

Айша Дубынин.
Город Москва.

Для школьного живого уголка

Летом я отдыхал в лагере. В одном из наших походов мы нашли интересное растение. Называется оно росянка.

На вид это совсем безобидное растение, стебельки его высотой в 10—15 сантиметров, на земле лежат круглые красные листочки, покрытые тонкими волосками. На листочках блестят капли жидкости. Кажется, что растение всегда покрыто росой. Поэтому и назвали его росянкой.

Мы принесли нашу находку в живой уголок лагеря, созвали всех ребят и сказали: «Смотрите, какого жадного хищника мы нашли».

А ребята посмотрели и говорят: «Ну какой же это хищник?»

И вдруг на лист росянки села мушка.

Села и прилипла. А волоски листа повернулись к ней и впелись в её тело! Росянка, как паук, сосала муху.

Все стояли поражённые. Какое кровавое это маленькое растение!

Вожатая объяснила нам, что животные и растения разными способами приспособляются к условиям жизни, в которых живут. И по-разному добывают для себя еду. Росянка дополнительно питается насекомыми.

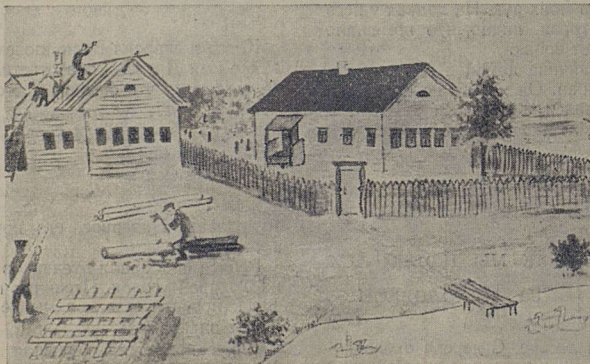
Мы спросили вожатую: почему же одни растения могут питаться насекомыми, а другие не могут?

Оказывается, волоски на листьях росянки выделяют слизь, похожую на желудочный сок. Поэтому она может переварить насекомое.

Росянку можно кормить сырым, колбасой, жареным или сырым мясом, молоком, яичным белком.

Все ребята очень заинтересовались этим растением. Уезжая из лагеря, каждый взял для своей школы росянку.

Олег Шенс.
50-я рижская семилетняя школа.

Колхозная стройка.

Рисунок Игоря Амбровского. Кооп АССР

БУДЬ ГОТОВ К ТРУДУ И ОБОРОНЕ

Во время каникул многие из вас, ребята, конечно, участвовали в спортивных праздниках, соревнованиях, лагерных спартакиадах. Но, наверное, ещё не все ребята, достигшие 14 лет, сдали нормы на значок БГТО. Не теряйте же времени, друзья! Пока стоит ясная, тёплая погода, сдавайте летние нормы.

А мы постараемся вам помочь, печатая советы мастеров спорта о том, как лучше подготовиться к сдаче норм БГТО.

Вот у юных спортсменов 327-й московской школы осенние дни не пропадают даром. Как только начались занятия, на доске объявлений физкультурного совета был вывешен список ребят, а рядом было указано, какие летние нормы они должны сдать. Тут же висело объявление о том, где и когда будут приниматься нормы.

В ближайшую субботу ребята из первой смены отправились после уроков на стадион. А те, кто учится во вторую смену, пришли туда на следующее утро.

В другой московской школе, 329-й, девочки решили провести спартакиаду. Участниц было так много, что соревнования продолжались несколько дней. Пионерки играли в волейбол, прыгали, бегали, состязались в метании гранаты. Команда 7-го класса «А» завоевала кубок дружины по волейболу. Юлия Карпунина стала чемпионом дружины по прыжкам. Она взяла высоту 126 сантиметров. Это на 16 сантиметров выше нормы БГТО. А Юлия Потовина выполнила почти двойную норму по метанию гранаты: она бросила гранату на 32 метра. После спартакиады в школе стало гораздо больше значков, а в спортивный коллектив вступило много новичков.

С первых дней учебного года начинайте, ребята, заниматься спортом, бегайте кроссы, играйте в волейбол, готовьтесь к сдаче норм БГТО.

Дорога к первым успехам

Как-то раз на стадионе я встретился с ребятами из соседней школы. Они сдавали нормы на значок БГТО по бегу. Сначала все мальчики бежали вместе, потом несколько человек вырвались вперёд. Цепочка бегунов вытянулась. Впереди бежал подросток в голубой майке. Он намного обогнал своих товарищей. Но примерно на середине дистанции он не выдержал быстрого темпа и стал сдавать. Ребята, бежавшие далеко позади, обходили его. Когда до финиша оставалось метров

триста, мальчик остановился и сошёл с дорожки. Я очень удивился. У нас, спортсменов, есть такой обычай: как бы тебе ни было трудно, не сдавайся. Советский спортсмен не уходит с беговой дорожки, пока у него есть силы.

«Может быть, нездоров?» — подумал я и подошёл к мальчику. Мы разговорились. Оказалось, что мальчик сошёл с дистанции потому, что не хватило силы воли преодолеть усталость.

— Нет, видно, я не могу пробежать та-

кую большую дистанцию...— сказал он огорчённо.

Большого труда стоило мне убедить его, что все нормы БГТО по силам любому здоровому мальчику или девочке четырнадцати лет. Всё дело в том, что он не рассчитал своих сил и слишком быстро бежал в начале дистанции.

Каждый из вас, ребята, может сдать все нормы и получить значок, хотя одним это удаётся легче, другим труднее.

В чём же секрет спортивных успехов? Прежде всего, в настойчивости. Опытным спортсменам, чтобы одержать победу на соревнованиях или побить рекорд, приходится много и упорно тренироваться. И вам, ребята, тоже придётся как следует потрудиться, если вы хотите добиться первого спортивного успеха: сдать нормы на значок БГТО.

Сейчас наступает самое подходящее время для тренировки в беге по пересечённой местности. Может быть, кто-нибудь из вас скажет: «Ну зачем мне заниматься бегом, если у меня плохо получается метание гранаты? Мне нужно развивать руки, а не ноги». Но вы, ребята, ошибаетесь, если думаете, что бег по пересечённой местности развивает только мускулы ног.

Спортсмены хорошо знают, что кросс укрепляет сердце и лёгкие, развивает выносливость, ловкость, быстроту, причаёт быстро ориентироваться на местности. Поэтому и футболисты, и легкоатлеты, и борцы, и боксёры, и конькобежцы — все тренируются в беге по пересечённой местности.

Поэтому и вы, друзья, если живёте в городе, идите в парк. Если в деревне, — отправляйтесь в лес. Наметьте дистанцию. Для мальчиков она должна быть длиной в 500—700 метров, девочкам достаточно

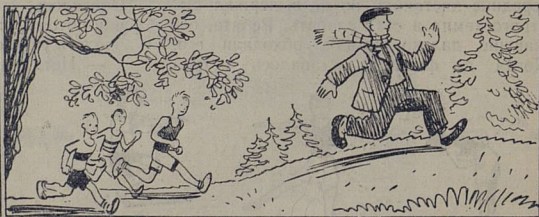
300 метров. Пусть на пути будет отлогий подъём, спуск. Очень хорошо, если попадётся небольшой ручеёк, через который придётся перепрыгнуть. Дорожку может пересекать кустарник, изгородь или плетень.

Тренироваться можно и одному. Но лучше бегать всем звеном. Занятия начинайте с «разминки». Спокойно, не напрягаясь, пробегите метров 100. Остановитесь и проделайте несколько упражнений, вроде тех, что показаны на рисунках на 57-й странице. После этого начинайте бег на дистанции. Поднимаясь на горку, старайтесь бежать на носках, небольшими шагами. Корпус наклоняйте вперёд. При спуске, наоборот, корпус отклоните назад, делайте широкие шаги и ставьте ногу на всю ступню. Если придётся бежать по высокой траве, делайте короткие шаги и выше поднимайте колени. По песку или рыхлой почве бегайте короткими, частыми шагами. Небольшие канавы, ручьи, ямы перепрыгивайте, не уменьшая скорости бега. Если на пути изгородь, забор или плетень, через которые вам трудно перепрыгнуть, быстро перелезьте через них. По ровной твёрдой дорожке бегите свободным, размашистым шагом. Всё время следите за дыханием. Оно должно быть глубоким и ровным.

Мне хочется вас предупредить ещё об одном. На первых тренировках и на соревнованиях бывает, что даже опытным спортсменам во время бега как будто не хватает дыхания. Человеку кажется, что он совсем выбился из сил. То же произойдёт с вами. Вам захочется остановиться и, может быть, даже сойти с беговой дорожки. Никогда не делайте этого! В этот момент нужно обязательно превозмочь самого себя, преодолеть свою слабость. За-

В термометре, кажется, падает ртуть...
Может быть, валенки мне натянуты?
Может быть, нужно надеть рукавицы?
Как бы на кроссе не простудиться!..

Если я спортсмен хороший,
Значит, буду впереди!
Даже нуртка и валуши
Не мешают мне в пути.

медлите бег и вы увидите: скоро слабость исчезнет, дыхание придёт в норму, и вы снова сможете бежать быстрее.

Тренироваться в беге по пересечённой местности можно при любой погоде. Даже если на улице 4—5 градусов мороза. Только, когда станет холодно, занимайтесь не в трусах и майке, а в лыжном костюме. А главное, после бега не останавливайтесь сразу, а походите, сделайте несколько дыхательных упражнений.

Занимайтесь два—три раза в неделю.

Если вы будете регулярно бегать кроссы, то уже очень скоро почувствуете, как окрепли мускулы ног и рук. С каждым разом вам легче станет преодолевать препятствия, вы меньше будете уставать во время бега. Значит, кросс уже принёс вам пользу. Но не бросайте занятий. День ото дня вы будете становиться выносливее, крепче, закалённее.

И. Сергеев,

тренер сборной команды СССР по лёгкой атлетике, заслуженный мастер спорта

Кто сумеет?

УЖЕ

Сделай из картона «очки» и, надев их, попробуй прыгать по кружкам, нарисованным на земле, и пробегать по извилистой дорожке (смотри верхние рисунки). Прыгая через скакалку, подними флажок. В прыжке с разбега ударь коленом подвешенный мяч так, чтобы он пролетел над плечом.

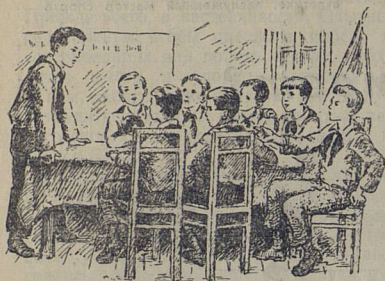

До чего ж трудна дорога!
Не отстал ли я немного?
Чтоб до финиша добраться,
Надо, братцы, раздеваться!!!

Почему проигран кросс,
Вы не знаете, друзья!..
Кто виновен: жара? Мороз?
Может, скажете, что я?

★

СОВЕТЫ СТАРШЕГО ВОЖАТОГО

С чего начинать?

Вот и кончилось лето. Снова встретились школьные друзья, снова сели за парты, взяли за книги и тетради. На переменках, после уроков идут оживлённые разговоры о пережитом за лето, о новых прочитанных книгах, о пылающих лагерных кострах, о дальних и ближних походах, о пионерских колосках, собранных в колхозе, об отчаянных футбольных сражениях во дворе. Один научился плавать, другой в первый раз увидел горы, третий собрал замечательную коллекцию бабочек и жуков...

И, рассказывая наперебой о весёлой летней жизни, пионеры подумывают: «Как-то пойдут у нас дела в отряде в этом учебном году?»

А это зависит от вас самих, ребята! И прежде всего от того, как вы объединитесь в звенья, кого вы выберете своими вожаками. Если звенья подобраны хорошо, если у каждого звена хороший вожатый, — в звеньях будет кипучая, интересная жизнь. Любое дело, которое вы задумаете, будет вам по плечу. А там, где крепкие, дружные звенья, и вся отрядная работа идёт отлично. Иногда ре-

бята говорят: «Отряд-то у нас работает хорошо, а вот звенья ничего не делают интересного». Но ведь это же полная бессмыслица! Как же может хорошо работать отряд, если ничего не делают звенья? Ведь вся основная пионерская деятельность должна быть сосредоточена в звене.

Дружные звенья

— А как же сделать, чтобы сразу без ошибки подобрать хорошие, слаженные звенья? — спросите вы.

Давайте сначала поговорим, как этого не следует делать, — поговорим об ошибках.

Бывает, что на отрядном сборе звенья составляются так. Первый ряд парт — первое звено, второй ряд — второе звено, третий ряд — третье звено... И готово! Не прошло и пяти минут, как всё решено и закончено. Это неправильный способ подбирать звенья. Ведь в одном ряду не обязательно сидят ребята, которые лучше всего подходят друг к другу по своим вкусам, склонностям, увлечениям! А это — немаловажное соображение при подборе звена.

Если члены одного звена не будут сидеть вместе, — что же, это не страшно.

Распределение по звеньям должно проходить не механически, не по рядам.

Бывает и так. В отряде идут горячие споры, кому с кем быть в одном звене. Но подбираются звенья всё же не по дружбе, не по общим интересам — пионеры стараются перетянуть в своё звено тех, кто отлично учится, или, что ещё хуже, избавиться от тех, кто учится неважно.

«В вашем звене ни одного отстающего, а в нашем двое...» «Зато мы вам самого лучшего отличника отдаём!» «Не надо нам Петрова, у него опять по математике двойка». Это всё не по-товарищески. Больше того: нечестно. Невелика хитрость — добиться хороших успехов в учёбе, собрав в звено отличников и хороших учеников.

Пионер не ищет лёгких путей, он не боится трудностей: он их побеждает. Куда почётнее сказать к концу первой четверти: «У нас было двое отстающих, а теперь в звене все учатся хорошо».

Звено надо подбирать по дружбе, по желанию ребят. А если среди членов звена есть «неспособный» по математике или

лентяй — повлियाъ на лентяя, помочь товарищу, объяснить, а не отмахиваться от трудных дел.

Чаще всего в отрядах бывает три звена, вероятно, потому, что в классе обычно три ряда парт. А что если в отряде сорок пять пионеров? Тогда получатся громоздкие, многолюдные звенья.

Наилучшее количество пионеров в звене — восемь — десять. Ведь вожатый звена — такой же мальчик или девочка, как и вы. Быть организатором маленькой группы людей гораздо легче.

Дела вашего звена

Но вот пионеры объединились в звенья. С чего начать работу? Что делать звену?

Прежде всего надо выяснить, что вы хотите делать, что больше всего интересует членов звена. Вожатый звена должен потолковать с каждым из своих пионеров и узнать, чем они хотят заниматься.

А потом составить план работы.

В план можно включить и чтение книг, и изучение родного края, и лыжные походы, и спортивные игры в звене, и соревнования, и строительство моделей, и разведение сада.

Подумайте, в какие предметные кружки вы запишетесь, в каких делах, затеваемых дружиной, будете участвовать.

Самое важное для пионера — прилежно, хорошо учиться. Поэтому план должен быть построен так, чтобы работа в звене помогала, а не мешала вашей учёбе.

Особенно внимательно надо относиться к ребятам, которые плохо учились в прошлом году. Посмотрите, чем им можно помочь, умеют ли они правильно построить свой день, как выполняют домашние задания.

В плане звена, в жизни звена не может не быть полезных для общества, для Родины, дел: это был бы плохой план, сколько бы интересных развлечений вы ни придумали для себя.

Подумайте, что полезного вы можете сделать для своей школы, для родного колхоза, для малышей.

Оглянитесь: нет ли вокруг вас кого-нибудь, кто нуждается в верной пионерской дружбе, не нужны ли кому-нибудь крепкие ребячьи руки, внимание, забота?

План не должен быть большим. Не беритесь сразу за много дел: из этого ничего хорошего не получится. А чтобы отобрать в план самое важное и интересное, посоветуйтесь с классным руководителем и вожатым отряда.

План работы вожатый заносит в звеньевой дневник и обязательно указывает, кто из пионеров за что отвечает. Если всё будет делать сам вожатый или два — три активиста, они ничего не успеют, а остальным ребятам будет скучно. Звено работает хорошо, когда все пионеры принимают участие в работе и каждый выполняет то дело, которое ему по силам, которое он любит.

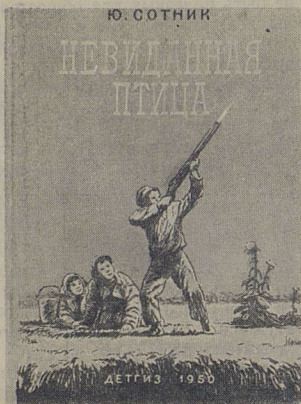
Не забудьте, ребята: очень важно почаще проверять, как звено выполняет свой план.

Итак, за дело, ребята! Пусть во всех отрядах в нынешнем учебном году будут дружные звенья с надёжными, уважаемыми вожатыми.

РАССКАЗЫ ЮРИЯ СОТНИКА

Бывают на свете такие книжки: прочтёшь — и не знаешь, ради чего, собственно, автор написал книгу, и зачем ты её читал. Такие книжки читаются без труда, но забываются ещё легче. О них и говорить не хочется. А есть книги совсем другого рода. Прочтёшь их и чувствуешь, что узнал о каких-то новых вещах, а то, что раньше знал, теперь увидел по-новому. И хочется скорее рассказать кому-нибудь о прочитанном, поделиться с товарищами своими впечатлениями: вот, мол, какую славную книжку я только что кончил читать.

Именно с таким чувством я и взялся сейчас за перо, чтобы поделиться с вами радостью, которую я испытал, когда прочёл выпущенный недавно Детгизом сборник рассказов молодого писателя Юрия Сотника.

«Невиданная птица» — так называется этот сборник. Название, спору нет, увлекательное, но оно связано лишь с первым рассказом. В этом же сборнике есть небольшая повесть «Про наши дела». Вот это название хорошо определяет весь сборник. Каждый школьник и пионер, прочтя книжку Сотника, может сказать: «Это про нас написано, про наши дела».

В рассказе «Важное донесение» Сотник описал военную пионерскую игру, в которой участвуют школьные лыжники. Одни из них проявляют необходимую выдержку и сообра-

зительность, а другие из-за неточных и спешных действий попадают впрок. Действие рассказа «Важное донесение» происходит зимой, а события в соседнем рассказе «Белая крыса» разыгрываются летом, во время военной игры между двумя пионерскими лагерями. И в том и в другом рассказе писатель очень убедительно показывает, что такое подлинная, непоказная храбрость, истинная выдержка и преданность своему долгу. Несогласно было Тане Закатовой во время разведки высидеть молча и неподвижно в погребке, куда противники спустили на верёвочке белую крысу. Но ради победы своего лагеря она выдержала это испытание, хотя вчера ещё мальчики считали её трусихой.

В рассказе «Песок» Сотник показал, как любой, самый скучный на первый взгляд, но полезный труд, если заняться им с душой, пустить в ход логику и воображение, становится необыкновенно интересным, увлекательным. А речь в этом рассказе идёт всепо-навсего о песке, которым надо было насыпать линию в лагере.

О дружбе, о настоящем товариществе говорит Сотник в рассказе «Крокодилёнок». Такое название дали своей сатирической стенной газете школьники, описанные в этом рассказе. Рассказ смешной, интересный, правдивый. Он поможет нашим ребятам правильно относиться к товарищеской критике. А что греха таить, ведь многие недолюбливают, когда их высмеют в стенной газете или пожурут на собрании. Очень хорош в этом рассказе образ ответственного редактора «Крокодилёнка» Кирилла Замятина. Он стойко и смело ведёт свою газету, хотя ему иногда крепко влетает от обиженных критиков. Порой дело доходит и до драки... Сотник не боится рассказывать и о таких неприятных происшествиях. Но читатель всё время чувствует, что писатель на стороне Замятина, то есть там, где правда. А правда у нас всегда побеждает.

Сотник хорошо знает всё, о чем он пишет. Чувствуется, что он вдумчивый, добрый и внимательный друг своих маленьких героев. Ему знакомы их мысли, язык, игры, интересы, стремления. Писатель хорошо знает пионерский лагерь, школу, детский коллектив. Действие в рассказах Сотника происходит в самых обычных местах. Вот в вагоне пригородного поезда пионер ведёт га для террариума своей школы живую гадюку, изловленную им за городом. И надо же! Гадюка вылезла из банки и затаялась под вагонной скамейкой. Показывая, как разные пассажиры, каждый

по-своему, кто со страхом, кто с большим интересом и любопытством, а кто с негодованием, относится к происшествию, автор раскрывает перед читателями самые разнообразные человеческие характеры.

Сотник пишет просто, он умеет двумя—тремя словами создать нужную обстановку, передать настроение. «Солнце зашло недавно, однако было темно, как ночью, потому что небо закрывали густые клубящиеся тучи... Время от времени набегал ветерок, и тогда большое ржаное поле справа от тропинки глухо шелестело колосьями». Так описал Сотник место, куда прилетает его «невиданная птица». Описание это сразу даёт нужное настроение настороженности, таинственности.

А вот как начинается рассказ «Гадюка»: «Мимо окна вагона проплыл одинокий фонарь. Поезд остановился. На платформе посыпались торопливые голоса...» Вы сразу почувствуете себя в вагоне вечернего поезда, остановившегося у маленькой станции. Сотник учится простоте и точности у великого русского писателя Чехова. И это даёт хорошие плоды. Но

это не значит, что Сотник копирует Чехова, подражает ему; он умеет найти собственные слова, придать рассказу свой особый энергичный современный ритм. Так начинается рассказ «Белая крыса»: «Боря трубил в горн. Лёня бил в барабан. За ними шли Вава и Дима, а впереди выступала звеневая Таня Закатова». Тут сразу чувствуется, что речь идёт о важном походе, и ребята ожидают боевые дела...

А когда мы читаем такую фразу: «Мы немного потеснимся, а молодой человек сядет здесь с красшей», — перед нами тотчас же возникает образ доброго вежливого старичка, который уступает в вагоне место возле себя пионеру.

В книге Юрия Сотника каждый молодой читатель непременно найдёт и своё отражение: так типичны ребята характеры, подмеченные и изображённые писателем.

Мне хочется, чтобы вы все прочли его книжку «Невиданная птица». Она доставит вам много радости и удовольствия.

Лев Кассиль

ЗЕМЛЯ УЧИТЕЛЯ ВЕТЛУГИНА

Земля Ветлугина? В Восточно-Сибирском море? Ты вспоминаешь всё, что учил по географии в школе, открывавшь карту. Не голубой краске между островом Врангеля и Ново-Сибирскими островами нет ни одной тёмной точки. Где же эта земля, об открытии которой рассказал писатель Л. Платов в своей повести «Архипелаг исчезающих островов»? Может быть, её не внесли ещё на карту?

Только в конце книги ты узнаёшь, что Земля Ветлугина на самом деле нет. Она была создана фантазией писателя. Но так убедительно рассказано в книге о научном предвидении учителя географии Петра Ариановича Ветлугина, так увлекательно показаны поиски неизвестной земли, что ты веришь каждому слову повести и с волнением следишь за судьбой её героев.

В мужской гимназии провинциального городка появляется новый учитель. С первых дней, с первых слов Ветлугин покоряет сердца учеников своей горячей любовью к родной земле, увлекает романтикой географических открытий.

Жизнь учителя окружена тайной. Чем занимается он долгие вечерами в своей комнате, склонившись над картами? Неожиданно по городу разнеслась весть, что учитель открыл какие-то острова. Насмешками и недоверием встретили местные обыватели это известие. Но в глазах мальчиков любимый учитель стал ещё выше

и значительнее. Где побывал он? В каких экспедициях участвовал? Как открыл свои острова?

Учитель рассказывал лучшим своим ученикам Андрею Звонкову и Лёше Ладыгину историю своего открытия.

Нет, он никогда не ездил в экспедиции, он только мечтал о них. Но, изучая по запискам путешественников дрейф льдов в Восточно-Сибирском море, он узнал, что в одном месте льды постоянно делают резкий поворот, словно наткнулся на препятствие. В старинной «скаске» русского кормщика Веденея он нашёл подтверждение своей мысли, что в Восточно-Сибирском море есть неизвестная земля.

Мальчики были потрясены этим открытием учителя. Доказательства учителя были неопровержимы. Предсказали же русские моряки существование обширного архипелага, который впоследствии

был назван Землёй Франца-Иосифа. А Антарктида? О ней учёные тоже узнали прежде, чем кто-либо увидел её берега. И мальчики поняли, как велика сила науки.

В маленькой комнате, наполненной книгами и картами, зародилась мечта: подтвердить научное предвидение учителя, во что бы то ни стало найти Землю Ветлугина.

Прошли годы. Свершилась Великая Октябрьская революция. Андрей и Лёша стали учёными-гидрографами и возглавили экспедицию, снаряжённую на поиски Земли Ветлугина. После долгих и упорных трудов Земля Ветлугина была найдена. Научное предвидение учителя подтвердилось.

Пусть история открытия Земли Ветлугина — научная фантазия, но она убеждает читателя, что мир ещё не изучен, что беспредельны возможности для человеческого познания и велико торжество науки, одерживающей каждый день, каждый час новые победы над природой.

Книга Л. Платова будит любовь к науке, стремление к открытиям, учит упорству в достижении цели. Много самых разнообразных сведений почерпнёшь ты из неё, поймёшь и оценишь самоотверженный труд отважных исследователей земли.

А. Елагина

ХУДОЖЕСТВЕННАЯ РАБОТА ИЗ БЕРЕСТЫ

Посмотрите, ребята, на четвертую страницу обложки.

Эти красивые вещи сделаны из бересты. Некоторые из них присланы ребятами и среди лучших работ были выставлены на четвертой Всесоюзной выставке изобразительного творчества детей.

Резьба на бересте — очень древнее искусство.

Ещё три века тому назад в наших северных областях, где много берёзовых лесов, предметы домашнего обихода, короба, шкатулки, туеса делались из узорчато вырезанной бересты. Особенно славился этим мастером Шемогодского района, Вологодской области. В кружева, в резьбу по дереву, в узоры бересты вкладывал народ свои мечты о красоте, о лучшей доле.

При желании, ребята, и вы можете овладеть тонким искусством резьбы на бересте.

Прежде всего подготовьте кору. Возьмите ровное, по возможности без сучков, берёзовое полено и очень осторожно снимите с него бересту. Затем слегка смочите её тёплой водой, чтобы береста не корчилась и не сворачивалась, и очистите с неё тонкие верхние слои.

Выкроив нужный вам кусок, наколите его на дощечку. Теперь наносите узор. Эскиз узора должен быть сперва нарисован на бумаге. Узоры могут быть самыми разнообразными: тут вы можете использовать и орнаменты, и рисунки на сказочные сюжеты, и изображения живых существ.

Перед тем как создавать узор, познакомьтесь с народным творчеством, посмотрите книги о народном декоративном искусстве, русские народные сказки, которые часто бывают украшены народными орнаментами, вышивкой, росписью, кружевом. Внимательно взглядывайтесь в очертания живых цветов, листьев, ветвей, птиц.

Помните, что ваш узор должен быть, как и для всякой резьбы, кружевным, ажурным. А чтобы отдельные части узора не провалились, необходимо соединить их друг с другом перемычками.

Когда узор сочинён и воспроизведён на бумаге в нужных вам размерах, перенесите его через копировальную бумагу на бересту. Вырезать рисунок надо очень острым ножом или бритвой.

После того, как узоры на всех частях вещи вырезаны, подклейте изнутри цветной целлофан или цветную, золотую или серебряную бумагу и нитками сшейте отдельные части между собой.

Из бересты можно сделать различные нужные для школьника вещи: пеналы, стаканчики для ручек и карандашей, коробочки для перьев, подставки для календаря и т. д.

Поделками из бересты хорошо заняться в кружках «Умелые руки».

Художник Д. Г. Соболев

СОДЕРЖАНИЕ

Здравствуй, школа.	1 стр.
Жак-Лисенок. — Рассказ А. Батрова. Рисунки В. Торяева.	7 „
Корея сражается.	12 „
Весной в половодье. — Повесть В. Банилкина. Окончание. Рисунки П. Кузьмичева.	14 „
Дубовый листок. — Стихи В. Дониковой.	27 „
Необыкновенное озеро. — Рассказ К. Золотовского. Рисунки Ф. Лемкуя.	28 „
Как звери стали другими. — А. Дорохов. Фото А. Антонова.	33 „
Тавжняя река. — Стихи П. Штыгашева. Перевод с хайасского Т. Стрешневой.	33 „
Покорение вселенной. — Очерк Б. Ляпунова. Рисунки Н. Коляничего.	39 „
Отвсюду и обо всём.	46 „
Камни, упавшие с неба. — Д. Алексеев. Рисунки П. Рыбова.	48 „
Над бездной. — Рассказ А. Шахова. Рисунки В. Целмера.	51 „
Наша почта.	54 „
Будь готов к труду и обороне.	57 „
Советы старшего вожатого.	60 „
В мире книг.	62 „
Наш календарь.	III стр. обложки
Резьба по бересте. — Д. Соболев.	IV стр. обложки

На обложке: рисунок В. Орлова „Подарки родной школе“.

Редколлегия: Ильина Н. В. (редактор), Каверин В. А., Кассиль Л. А., Маркова С. Е., Орлов В. И., Печникова З. И., Прилежаева М. П., Смирнова В. В., Шмаринов Д. А., Щипачёв С. П.

Адрес редакции: Москва, улица «Правды», 24, комната 235, тел. Д 3-30-73.

Подписано к печати 16/IX 1950 г. Изд. № 649. 82х110.

А — 07119. 8 печ. л. Тираж — 100 000. Заказ 2255.

Типография газеты «Правда» имени Сталина, Москва, ул. «Правды», 24.

К а ш К а л е н д а р ь

РЕСПУБЛИКА ВОССТАВШЕГО НАРОДА

Пять лет назад на географических картах Азии появилось новое слово — «Вьетнам». В переводе это значит «страна юга». Так назвал своё государство народ восточной части Индо-Китая, сбросивший власть французских колонизаторов и образовавший 3 сентября 1945 года свободную, демократическую республику.

Французские капиталисты упорно стремятся опять завладеть своей бывшей колонией, дававшей им много каменного угля, железа, золота и каучука. Они вывезли из страны все запасы риса, и два миллиона вьетнамцев умерли от голода. Французские войска предательски захватили столицу Вьетнама Ханой. Их самолёты сбрасывают бомбы на мирные селения вьетнамцев, чтобы заставить свободный народ снова подчиниться чужеземной власти. Американские империалисты помогают колонизаторам. Они снабжают их оружием и посылают им в помощь банды головорезов из недобитых немецких фашистов и гоминдановцев.

Но вьетнамцы мужественно борются за свою независимость. Под руководством президента республики, бывшего рабочего и моряка, коммуниста Хо Ши Мина они уже освободили девять десятых всей территории страны. Двадцать миллионов вьетнамцев стали свободным народом.

Французские солдаты откажутся сражаться против вьетнамцев; моряки и грузчики объявляют забастовки, не желая перевозить оружие для завоевания Вьетнама. Рабочие Парижа выходят на демонстрации с лозунгами: «Свободу Вьетнаму!», «Долой грязную войну!»

На стороне восставшего народа трудящиеся всего мира.

ВЕЛИКИЙ ИССЛЕДОВАТЕЛЬ АЗИИ

В глубине монгольской области Гоби простирается огромная пустыня Алашань. На тысячи километров тянутся песчаные холмы, перерезанные лишь редкими караванными тропами.

Когда-то здесь было богатое государство монгольского племени тангутов. В 1226 году орды завоевателя Чингис-хана разрушили столицу тангутов Хара-Хото, отвели от оазисов реки, уничтожили каналы. Цветущая страна постепенно стала пустыней.

Найти остатки этого погибшего государства удалось лишь в наше время. Русский географ Пётр Кузьмич Козлов смело проник в самую глубину безводной пустыни и отыскал там засыпанные песком развалины мёртвого города Хара-Хото. Его экспедиция откопала множество изображе-

ний богов и две тысячи книг на языке исчезнувшего народа, пролежавших под песчаными холмами почти восемь столетий.

Козлов был учеником великого русского путешественника Пржевальского и всю жизнь продолжал его дело, неутомимо исследуя самые дальние области Центральной Азии: Монголию, Восточный Тибет, Сычуань. Семидесятилетним стариком он готовился к новой экспедиции — в Центральный Тянь-Шань; и только болезнь

помешала ему выполнить это намерение.

Пётр Кузьмич Козлов умер пятнадцать лет назад, 26 сентября 1935 года. Его путешествия обогатили наши музеи самыми богатыми в мире коллекциями по истории древних народов Монголии.

ПОЭТ-ДЕКАБРИСТ

Все вы, ребята, наверное, знаете песню о покорителе Сибири Ермаке:

Ревела буря, дождь шумел;
Во мраке молнии блистали...
Слова этой песни написал друг Пушкина поэт Кондратий Фёдорович Рылеев, родившийся сто пятьдесят пять лет назад, 29 сентября 1795 года.

Цель поэзии Рылеев видел в воспитании гражданских чувств и революционных стремлений. Его «Думы» славят подвиги русских патриотов Дмитрия Донского, Ивана Сусанина, Ермака, не жалевших жизни для блага родины.

Поэмы Рылеева «Наливайко» и «Войнаровский», его гневные песни призывали русский народ готовить оружие для восстания: «Первый нож — на бояр, на вельмож. Второй нож — на попов, на святош. Третий нож — на царя!»

Свою жизнь Рылеев отдал борьбе за свободу. Он вступил в тайное общество революционеров и стал одним из его вождей. Он готовил восстание, чтобы свергнуть царя, уничтожить крепостное право и провозгласить в России республику. Но декабрьское восстание было подавлено. Николай I свирепо расправился с его участниками. Рылеев был схвачен и заключён в Петропавловскую крепость. В числе пяти руководителей декабрьского восстания поэт-революционер был приговорён к смертной казни и повешен.

РЕЗЬБА по БЕРЕСТЕ

